

МУНСАЙД

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В СТОЛИЦУ АДА

Марк САФО

Сончи РЕЙВ

Марк Сафо Сончи Рейв Мунсайд

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43606898

Мунсайд: АСТ; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-114237-7

Аннотация

Мунсайд – небольшой портовый городок в штате Мэн, большая часть жителей которого не являются людьми. Под видом простых смертных здесь обитают зомби и призраки, оборотни, вампиры, маги, эльфы и демоны. Ивейн Лавстейн должна продолжить семейную традицию и в день совершеннолетия вместе с верховным демоном Кави начать правление в Мунсайте, а иначе город исчезнет с лица земли. Вернувшись после четырех лет скитаний, Ивейн понимает, что город сильно изменился: все магическое население Мунсайда желает ей смерти, люди по неизвестным причинам исчезают, а Кави – демон, который ее воспитал, – совершенно не помнит об Ивейн и о существовании магической части Мунсайда. Теперь, чтобы исполнить свое предназначение, Ивейн должна рассчитывать только на себя.

Содержание

1. Волхвы	7
2. По лестнице вверх	54
3. Не лезь в мой лес	118
Конец ознакомительного фрагмента.	153

Марк Сафо, Сончи Рейв Мунсайд

© Марк Сафо, Сончи Рейв, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2019 В оформлении
использованы материалы, предоставленные фотобанком
Shutterstock, Inc

* * *

Посвящается К. Р.

*Я всегда мечтал водить тебя за руку
по воображаемому миру. Но ты не терпишь
прикосновения.*

1. Волхвы

Дорогой Кави.

Слишком многое произошло за эти восемьдесят два дня. И я до сих пор не могу понять, что именно. Эти письма – лишь попытки расставить все по полочкам, исповедаться и объяснить, почему я так с тобой поступила. Почему я предала тебя.

*Люблю тебя... правда, не знаю, какой любовью.
Твоя Ивейн*

I

Элизе Лавстейн было настолько больно, что она не заметила, как в Мунсайте начался ужасный шторм. Такого сильного шторма не было за всю историю города. Элизе казалось, что настоящий шторм – в ее теле, а все происходящее за окном – лишь плод воображения, разыгравшаяся фантазия. Мунсайд – портовый город, привыкший к бурям, но точно не к таким. Элиза не догадывалась, что шторм за стеной реален, что океан пенится, лез на гору и берег, доставал до прибрежных домов, а ветер срывал черепицу и деревья. В этот момент весь мир Элизы заключался в ее спальне.

Особняк Лавстейнов был старым зданием, построенным в первой половине XVII века, но крепким. Фундамент, зало-

женный столетия назад, был все так же прочен. Как часто говорили жители городка, без магии тут не обошлось. Поэтому особняк стоял неподвижным исполином, и только флюгер в виде месяца бешено крутился на крыше.

Элиза закричала, одной рукой стиснув шершавую и крупную ладонь своего супруга – Винса Лавстейна, а другой сжимая и сминая простыни, царапая их ногтями и колотя ладонью по матрасу.

– Тужься, милая, тужься, – повторяла акушерка, изредка вздрагивая от очередной молнии. От усталости ей казалось, что гром вторил крикам Элизы. – Еще немного.

Это «еще немного» длилось уже несколько часов. Роды были мучительными и долгими. Как, впрочем, и всегда в семье Лавстейн.

Сын Элизы от первого брака, Вольфганг, оставался за дверью, проведя в коридоре достаточно времени, чтобы привыкнуть к крикам матери. Его отчим еще утром сказал, что беспокоиться не о чем. Но когда Винс это говорил, у него по лбу так и тек пот, а руки тряслись, что не придавало уверенности его словам.

Вольфгангу было десять, и рос он крепким симпатичным мальчиком, все больше и больше напоминая своего родного отца. Светлые волосы, огромные голубые глаза, пухлое округлое личико, всегда хмурое и недовольное. Сейчас он водил солдатиков по ворсу ковра, будто не слыша криков за стеной. Пробки в особняке вышибло из-за грозы, коридор

освещался оставленной свечкой на тумбе.

Неожиданно Вольфганг услышал скрип старых ступеней: кто-то поднимался наверх по черной лестнице, о которой мало кто знал. Столетие назад ею пользовались только слуги и гости, которые хотели остаться незамеченными. Вольфганг вгляделся в темноту и увидел оранжевый отблеск свечи, а затем и сам подсвечник. Мужчина, державший его, остановился на последней ступеньке и благодушно улыбнулся мальчику. Вот только Вольфганг впал в оцепенение от вида незнакомца. Он никогда не видел подобных людей.

Незнакомец был неуловимо красив. У него были синие глаза, как небо на грани ночи, небольшие, даже узковатые. Темные волосы, совершенно сухие, убраны назад в изысканном беспорядке. Угловатый подбородок, прямой массивный нос и плотно прижатые уши. На нем был строгий костюм без галстука и единого намека, что он пришел с улицы. Но было во внешности незнакомца нечто скрытое, прятавшееся за его вполне осязаемой красотой. Вольфганг не мог понять, что это, сколько бы ни всматривался.

Незнакомец улыбнулся, не открывая рта. Так Вольфгангу улыбались мальчики на детской площадке.

– Вольфганг, – кивнул ему незнакомец будто старому приятелю. Взгляд у него был открытый и добродушный, но Вольфганг чувал исходящую от него опасность, как тогда, когда нашел змею между камнями на заднем дворе. – Очень приятно. – Он протянул мальчику руку.

Вольфганг так и остался сидеть на полу, зажав солдатиков в руке.

– Кто вы? – в его голосе прозвучало сомнение. Будто бы он и не хотел знать ответ, точнее, боялся его узнать.

– Я? – Мужчина поднял брови, приоткрыл рот и пару раз моргнул, подбирая слова. Он выглядел растерянным, отчего казался еще моложе. – Я старый друг семьи. Меня зовут Кави.

Вольфганг взглянул на него со всем возможным для его возраста скепсисом, медленно отклоняясь назад. Его мать еще раз закричала, но уже громче, прерываясь на рыдания.

– Мне ничего о вас не говорили.

– Конечно. Я ведь друг не твоей семьи, а семьи твоего отца, Винсента.

Ответ совсем не понравился Вольфгангу. Винса никто и никогда не называл Винсентом.

Кави прислушался к двери и, решив, что время у него еще есть, сел на корточки перед мальчиком. За окном продолжала зверствовать буря. Кави наклонился к нему так, что Вольфганг сразу понял: сейчас ему расскажут секрет.

– Вот-вот родится твоя сестренка, и она... – Кави задумался, пытаясь подобрать слова, – станет королевой Мунсайда благодаря мне. – Его глаза будто вспыхнули, когда он произнес это.

На Вольфганга это произвело впечатление.

– Но... почему не я? Почему она? – Ему стало обидно чуть

ли не до слез. – Я же старший.

– Потому что твой отец не Винс, а Генрих, простой человек, который живет недалеко от Ганновера, – добродушно и явно не желая обидеть, ответил Кави.

– Но мама сказала... – глаза Вольфганга заблестели от слез, – что он служил в морской пехоте... что он погиб.

– Значит, твоя мама тебя обманывала, малыш Вольфи. – Кави щелкнул ребенка по носу, надеясь хоть как-то его развеселить. Он не умел врать и всего лишь пытался поддержать беседу. – Прости, волчонок. Но такова правда. Прапрапрапрапрапрапрадед – а может, и еще одно «пра» – Винса заключил сделку, и сделка еще действительна, значит, твоя сестренка принадлежит мне. А сейчас, бастардыш, мне пора идти. Слышишь? – Он поднял палец вверх. И действительно, раздался детский плач. – Вот и твоя сестра.

С этими словами Кави покинул малыша Вольфи, оставив рядом с ним свечку. Он открыл дверь в спальню и тихо зашел внутрь. Акушерка не успела передать девочку на руки матери, как Кави ловко выхватил ее. Он сделал это быстро и уверенно, не боясь запачкать костюм или уронить ребенка.

В полуобморочном состоянии Элиза смогла только возмущенно простонать. Ее пунцовая кожа блестела от пота, тонкие белесые пряди волос прилипли ко лбу, будто паутина. Роды отняли у нее много сил, и единственным, на кого она могла рассчитывать, был ее муж. Но Винс не выглядел удивленным. Возможно, злым, но уж точно не ошарашенным.

Попав на руки к Кави, малышка прекратила плакать сию же секунду. Раскрыв узкие глазки, она уставилась на него и издала звук, похожий на смешок. Элиза испугалась. Ни акушерка, ни она еще никогда не видели, чтобы младенцы могли смеяться.

– Винс, – испуганно произнесла Элиза, сжимая руку мужа, – кто это?

Кави продолжал укачивать ребенка на руках, строя ему рожицы и щебеча что-то невнятное на незнакомом языке. Он выглядел явно счастливее самих родителей.

– *Saghirti amira...*² – шепнул он малышке, щелкнув ее по носу.

– Кави, – гаркнул Винс, и тот невольно обернулся. Винс был ниже его, но шире в плечах. Кави казался мальчишкой на его фоне.

– Простите, Винс, Элиза. – Он с неохотой передал младенца матери. – Я лишь хотел убедиться, что это она.

Кави с глубоким вздохом неловко улыбнулся, поправляя костюм. Элиза не сводила с него подозрительного взгляда.

– Может, стоит позвать и Вольфи? У вас осталось меньше суток.

– Кави, – прошипел Винс, подходя к нему вплотную. Кави выглядел растерянным.

– Ты не сказал ей, Винс? Ничего не сказал?

– Кто это такой? – кричала Элиза. – Что это за человек?

² Маленькая принцесса (*араб.*).

– Как грубо, Элиза. Я совсем не человек! И каждого клеймить человеком... – Закончить он не успел, потому что получил в челюсть удар от Винса. Кави был удивлен, но уж точно не обижен. Повернув голову, он коснулся ушибленного места. – У нее не больше суток, – шепнул Кави. – Вам лучше побыть наедине.

И нечеловек по имени Кави ушел по той же черной лестнице, закрыв за собой дверь. К тому моменту буря уже стихла, оставив после себя лишь горы веток, черепицу и разбросанный мусор.

Сказанное Кави действительно сбылось. Не прошло и двадцати четырех часов, как Элиза, прикрыв глаза, заснула в обнимку с дочерью и сыном и навсегда потерялась где-то в лабиринте сновидений. Смерть Элизы, спокойная и достойная, стала совершенно ненужной платой за жизнь города Мунсайд, столицы Ада.

Семнадцать лет спустя

Я не знала Элизу и не успела пропитаться к ней какими-то родственными чувствами. Она была лишь частью легенды и никогда не казалась мне реальной. Нет смысла рассуждать, что случилось бы, если бы моя мать смогла выжить. Знаю только одно: увидев меня сейчас, она умерла бы повторно, но уже от стыда.

– Ив! Ив! – Юноша в куртке футбольной команды пару раз щелкнул пальцами перед моим носом, заставляя ме-

ня прийти в себя. Я открыла глаза, и меня сразу затошнило. Мир размазался, раздвоился, закрутился, словно карусель. Я пыталась сконцентрироваться на одной точке. Знаете, как в балете: крути фуэте сколько угодно, главное – держать взгляд на одном предмете. Вот только перед глазами были лишь мазня из квадратов бирюзовой плитки, кусок белой раковины и рукав бордового бомбера.

Поднявшись на локтях, я почувствовала подступавшую рвоту, но сдержалась. Рука в бордовом бомбере рывком поставила меня на ноги и толкнула к раковине. Я включила холодную воду и сунула под нее голову.

– Как ты, Ив?

В ответ я застонала, но меня так и не вырвало. Парень сделал пару шагов назад и сел на край ванны. Я видела его отражение в зеркале – бордово-рыжее пятно.

– Все в порядке?

Самый глупый вопрос, который можно было задать. Я тут помираю, пью воду из-под крана, как собака, и не могу разглядеть себя в зеркале, потому что мир до сих пор вращается перед глазами.

– Да, – только и ответила я, – все в порядке.

Какая глупость. Где я? Даже город не помню. И как меня угораздило дойти до такого состояния? Я будто играю в прятки сама с собой. Что ж, стоит начать собирать информацию и как-то выпутываться.

– Ты знаешь, как меня зовут? – пробурчала я, делая еще

Один глоток воды.

– Ив Уэйн. Нас представил Тикс.

Ив Уэйн. Никакая не Ивейн Лавстейн – слава богам и демонам. Значит, меня еще не поймали. Кто такой Тикс, я понятия не имею.

Я оглядела крошечную ванную и прислушалась к шуму. Музыка, английская речь – это уже хорошо. Судя по обилию кремов, шампуней и средств для снятия макияжа, владельцы квартиры – девушки. Видимо, я пробралась под видом общей знакомой на чью-то вечеринку, а может, и действительно раньше перекинулась с кем-то из них парой слов. Обычно я работаю по такой схеме. Осталось узнать, насколько долго я могу здесь скрываться.

А вот и ответ – звук, который моментально довел меня до дрожи в коленках. Рев мотора прогремел на улице, затмив гранж, игравший за стеной. Этот грохот мгновенно меня отрезвил.

Кто думает, что рев мотора всегда звучит одинаково, просто никогда не обращал на это внимания. Этот я точно ни с чем не спутаю. Мотоцикл BMW R1200 C.

Выглянув в крошечное окошко в ванной, я увидела свет фар, мелькнувший в переулке. Я заметила фасад сплошных пятиэтажек, значит, город довольно-таки большой. Не сказав ни слова парню в бомбере, я вырвалась в гостиную.

Вечеринка была в самом разгаре, так что взять чьи-то вещи и тихо выйти из квартиры мне ничто не мешало. Рука

сама выхватила спрятанный в прихожей потрепанный рюкзак и чью-то черную толстовку. Стоило выбраться на крышу, чтобы не столкнуться с преследователем на узкой лестнице или в лифте. Ковыряясь в памяти, я почти уверилась, что до сих пор нахожусь в Тандер-Бее. Дома здесь расположены тесно, можно свободно шагать по крышам, а затем спуститься на землю по пожарной лестнице. Так и поступим.

Я сломала замок и спокойно прошла на крышу, стараясь пригнуться и стать как можно незаметнее. Здесь было невысоко, этажей шесть, зато ветер был отрезвляюще холодным, а улица шумела вовсю. Мотоцикл стоял на месте, фары все так же горели. Видимо, водитель сейчас бродит по комнатам и пытается найти меня. Разумеется, он пойдет в самую шумную квартиру, потому что там мне легче всего спрятаться.

Пару раз он подбирался совсем близко. Однажды я разглядела его лицо за стеклом вагона метро в Монреале. Понятия не имею, как он находит меня в многомиллионных городах, но тот факт, что уже два года мне удается от него сбегать, немного успокаивает.

Осталось спрятаться за трубой и ждать, когда он вернется к мотоциклу и отправится дальше. Не думаю, что он догадается пробраться на крышу, а если и догадается, то рядом пожарная лестница. Придется побегать, но ночью это сделать легче. Опыта у меня в таких делах предостаточно.

Через пять минут ожидания адреналин выветрился, а головная боль вернулась. Хотелось снова оказаться в тепле и

заснуть прямо на полу, наплевав на громкую музыку и принципы. Но мотоцикл все так же стоял на месте. Глаза мои медленно закрывались.

Послышался скрежет железной двери, ведущей на крышу. Вмиг проснувшись, я рванула к пожарной лестнице и поскакала вниз по ступенькам. Грохот хлипкой железной конструкции выдавал меня с головой. Проникнуть в чужую квартиру было невозможно: все окна по пути вниз оказались закрытыми. Единственный шанс – рвануть к ближайшей станции метро или запрыгнуть в автобус. Я громко приземлилась на закрытый мусорный бак. Вдохнув побольше воздуха, я приготовилась бежать.

– Ив Уэйн. – Мое сердце испуганно замерло. Я поняла, что бежать уже некуда. – Ты оказалась совсем без фантазии.

Я видела его темный силуэт, слышала собственное сердцебиение, которое было таким громким, что заглушало даже боль от падения.

И тут пришло смирение. Я знала, что этот момент наступит, но глупо надеялась, что это случится намного позже, точнее, через восемьдесят три дня.

Мы улыбнулись друг другу. Я – устало, но счастливо, что все наконец-то закончилось, пусть и не в мою пользу. А он – как обычно, с оттенком садизма и себялюбия. Я знала эту улыбку. Как-то раз я разбила блюдо, и тогда он улыбнулся точно так же, прежде чем пожаловаться отцу.

Наконец я разглядела своего преследователя открыто и

без спешки. Да, он стал таким, каким я его и представляла. Высоким, статным и опасным. Уверена, все девчонки без ума от его легкой небритости и огромных голубых глаз.

– Ну привет, братец.

Вольфганг кивнул, улыбаясь еще шире. Наша детская игра в догонялки окончательно завершилась. Он победил.

* * *

Мотоцикл оказался приманкой, с его помощью Вольфганг выкурил меня из квартиры и ждал у пожарной лестницы, где уже стоял его черный внедорожник. Он даже не закрыл меня в машине, когда затаскивал мотоцикл в багажник. Да и я не собиралась бежать. Впервые за три с половиной года я расслабилась и почувствовала облегчение. Я оказалась там, где и должна была оказаться: на пути к Мунсайду.

Когда я покидала его, мне пришлось несколько часов пролежать в багажнике в абсолютной темноте, слушая шум дороги. Сейчас же я возвращалась триумфально, на переднем сиденье, под тихо звучащую рок-музыку.

– И как ты меня нашел? – Вопрос был глупым и очевидным. Мы не торопились разговаривать друг с другом, несмотря на то что виделись много лет назад.

А мне было что рассказать. О кошмарном пансионате, в который меня отвезли, о первом побеге из него, о городах Канады, больших и маленьких, о службах опеки, об очередях

за едой для бездомных, о помощи социальных работников, о трех с половиной годах бродячей жизни.

– Интернет, – пожал плечами Вольфганг, не отвлекаясь от дороги. – Заметил на одной из фотографий.

Я глубоко вздохнула. Так просто проколотся, надо же.

Оказалось, что самым легким способом выживания стала добродушная ко всему студенческая молодежь, которая кичилась знакомством с обыкновенной бродяжкой. Выслушав мою выдуманную историю, они проникались ко мне такой симпатией, что звали жить у себя, водили на вечеринки, где я была местной диковинкой, словно мини-пигом или щенком мопса. Внимание людей, выпивка, закуски... На все эти плюсы приходился один большой минус – желание каждого сфотографироваться и обязательно выложить в интернет. Вполне возможно, что с какого-то момента за мной шел киберслед в виде случайных фотографий с пьяными лицами. Отвратительно.

– Я хочу, чтобы ты кое-что уяснила, Ивейн... – через какое-то время сказал Вольфганг, но я перебила его:

– Честно говоря, я удивлена, что ты занимался моими поисками. Казалось бы, Мунсайд виноват в смерти Элизы...

– Мама, – сквозь зубы прошипел Вольфганг. – Нашей мамы.

Хоть мы и не виделись так долго, болевые точки у него остались прежними.

– Ты и сама прекрасно знаешь эту историю, как столетия

назад был заключен договор с демоном.

– И заключил его Генри Лавстейн, наш какой-то там прадед. Ему земля и сила демона... – зевая, напомнила я.

– Демону – вечное присутствие адепта.

Это слово было придумано нашим, точнее, моим прапрадедом. До этого использовались «сосуд» или попросту «раб» и «прислужник».

– И служение ему, – добавил Вольфганг. Хотя отношения между демоном и адептом были абсолютно равными. – Ваш синтез каким-то магическим образом поддерживает жизнь в Мунсайте, сама знаешь. Но Винс и твоя бабушка отказались от этого.

Да, нашли лазейку в договоре и предпочли обычную жизнь вместо могущества, магии и власти. А еще неизлечимую болезнь в награду. Большая удача – дожить до сорока. Отец умер в сорок два. Бабушка – в тридцать шесть.

– Я знаю, как ты хочешь отказаться. – Вольфганг перевел на меня взгляд, в котором явно читалась угроза. – Но ты не можешь.

Я лишь фыркнула: он мне будет указывать. Отказаться ничего не стоит. Нужно лишь подальше держаться от демона, а лучше и вовсе уехать из города в день моего совершеннолетия. Меня за этим и вывезли. Добралась до самой Канады, но все равно отыскиали.

– Если откажешься, это уничтожит и Мунсайд, и Кави.

Дыхание пропало. Я неосознанно схватилась за сиденье,

словно мы вот-вот разобьемся. Да, Вольфганг отлично помнил мои болевые точки.

– Кави может умереть? – Мой голос звучал неестественно тихо.

– Недостаток сил. Долгое отсутствие адепта.

Я не могу убить человека, который воспитал меня, я не Вольфганг. Но... навсегда увязнуть в Мунсайде? Разбираться в делишках людей и демонов? И что самое жуткое – обязательное продолжение рода, чистая кровь Лавстейнов. Столько обязанностей, вечные оковы, работа до гроба – лучше содохнуть под сорок от неизлечимой болезни бродягой в чертовой Канаде.

Я прикрыла рот рукой, чувствуя, что похмелье возвращается. Голова закружилась. Вольфганг, почуяв неладное, открыл окно. В салоне тут же стало холодно. Шум ветра отвлекал меня от невеселых мыслей.

Кави может умереть из-за меня? Кави, который учил меня ходить, читал мне книги перед сном, катал на своей спине? Я попала ему на руки раньше, чем к своей матери. Он... был мне роднее всех. Отец пил не просыхая, Вольфганг... ненавидел меня, и не без причины.

– Переживаешь за своего Румпельштильхцена? – со злостью произнес он.

– Не называй его так, – ослабевшим голосом попросила я. Это была любимая шутка Вольфи.

– А на целый город тебе плевать.

– Вольфганг! – Я очень хотела, чтобы он замолчал. Не ему рассуждать о чести и долге.

– На тридцать тысяч душ. На людей, демонов, ведьм, оборотней, вампиров... – Я уже не могла его слушать и высунула голову в окно. Ветер бил по ушам. – Что с тобой не так? Какая-то нянька...

Мне хотелось ударить его. Наши отношения всегда были сложными. Потому что Вольфганг остался, считай, сиротой на обеспечении городской шпаны, а у меня был свой личный демон, который души во мне не чаял. Винс не обращал на пасынка должного внимания, Элиза умерла из-за меня. Рождаясь, наследники забирают жизнь своей матери, если та не принадлежит роду Лавстейн. Это факт. Вот почему чуть ли не до XX века инцест был обычным делом.

У Вольфганга были основания меня ненавидеть. Он искал меня по всей Канаде и сейчас вез прямиком в мой личный ад. И в этом аду был лишь один, кого я действительно хотела бы видеть: Кави.

Ни родной особняк, которого я боялась до глубины души, ни дикая природа Мунсайда, ни власть, ни магия, ни заточенные там воспоминания – ничто меня не манило. Только Кави.

– Кави... Он тебя даже не узнает, – с удовольствием продолжал Вольфганг, будто читая мои мысли.

Я с ужасом посмотрела на него, надеясь, что это какая-то шутка. Но Вольфи улыбался с таким неприкрытым злорад-

ством, что сомнений не оставалось: он говорит правду.

– Он не помнит тебя, Ив. Никого не помнит. В нем будто проснулась другая личность. Человеческая. И как бы я ни ненавидел его, как бы ни желал ему смерти, но это действительно жалкое зрелище. – Вольф улыбнулся еще шире.

Мы двигались дальше по ночной трассе. Никаких указателей на Мунсайд не было и не будет. Этот город скрыт от всего населения материка, и неспроста. Здесь резервация нечисти. Здесь оборотни завтракают в какой-нибудь забегаловке вместе с вампирами и дальнобойщиками. Тут утром найдешь на соснах следы когтей и будешь точно знать, что никакой это не медведь. Молись, чтобы просто вервольф. Здесь весь бестиарий вырезает купоны на еду, играет в боулинг, отправляет детей в школу. В Мунсайте меня ждут демоны и ведьмы, оборотни и упыри, возможно, драконы и кентавры. Меня ждет сам Мунсайд.

Вот только Кави меня не ждал.

Уоррен

Уоррен отчаянно пытался полюбить этот город, найти в нем хоть что-то интересное.

Полтора года назад, когда у него появился новый «папа», весьма компанейский и добродушный отчим, отчаянно метивший в отцы, многое поменялось. Жизнь в Виннипеге, как показалось его маме, уже «изжила себя», и их новоиспечен-

ной семье требовался новый старт. Уоррену это не нравилось, но свое недовольство он запихнул куда подальше ради счастья мамы. После смерти его отца Оливер стал для матери спасением и надеждой на счастливое будущее. Хотя предпосылок для этого не было. Оливеру достался от какого-то троюродного дядюшки старый оружейный магазин в крошечном, никому не известном городе. Сама идея перебраться непонятно куда и попытаться вернуть жизнь старому и дряхлому магазинчику казалась абсурдной. Но и Уоррену, и маме терять было нечего. В своей школе он так и не обзавелся приличными друзьями, никаких мало-мальски значимых успехов не добился, так что его ничто особо не держало.

В Мунсайте все обстояло иначе. Виннипег – какой-никакой мегаполис. Мунсайд настолько ничтожен, что и сравнивать не стоит. Зато здесь все друг друга знали, встречали радушно, и, по меркам местных девчонок, Уоррен был даже ничего. Не сразу, но он нашел и девушку, и компанию себе по душе, и даже новые интересы.

У Мунсайда, несомненно, был свой шарм. Весьма зловещий и загадочный. Жители относились к нему с почтением, придумывали легенды и плели интриги, чтобы хоть чем-то себя занять. Уоррена, к примеру, абсолютно покорила сам символ города: воздушный змей с изображением солнца на одной стороне и луны – на другой. По древней легенде, когда в 1609 году Генри Лавстейн вместе с французской экспансией высадился на берег, вождь племени абенаков потребо-

вал за земли (кто бы мог поверить) душу. В итоге оказалось, что под душой вождь имел в виду того самого воздушного змея, которого Лавстейн привез вместе с собой из Франции. Генри предложил ему сделку: ни само племя абенаков, ни конфедерация вабанаков никогда не вернуться на эту землю, если воздушный змей упадет лунной стороной вверх. В тот день был шторм, он поднял змея в воздух, и тот, не продержавшись и минуты, спикировал вниз прямо к ногам вождя. Луна безразлично смотрела в его глаза. Индейцы больше никогда не возвращались. А город решили назвать Мунсайд – сторона луны.

Красивая сказка, но не более. Земли Мунсайда никогда не были плодородными, многие утверждали, что никаких индейских племен здесь и быть не могло, а кто-то рассказывал, что их вождем был демон. Поэтому город проклят.

Уоррену куда больше нравился второй вариант, да и образу проклятого городка Мунсайд вполне себе соответствовал.

В какой-то момент он выглядел так же пусто и уныло, как неработающий луна-парк на набережной: выцветший, скрипучий, покрытый пылью и песком. С балкона Уоррена было видно колесо обозрения. Иногда, при сильном ветре, кабинки раскачивались. И это единственное, что менялось в пейзаже за год. Молодежь спешила покинуть город, старики умирали, магазины и кафе закрывались, перспектив особо не было. А последние полгода стали пропадать люди при загадочных обстоятельствах.

Уоррена это очень интересовало. Вот и сейчас он допоздна сидел в интернете и пытался разгадать тайну пропавших без вести.

За семь последних месяцев их было уже десять. У всех перед этим пропадали домашние животные. Но это было не единственное, что их объединяло: близкие и родственники пропавших все как один говорили, что за неделю-две до исчезновения они начинали ходить во сне.

Пресса и местные их так и называли: пропавшие лунатики. Вполне в духе Мунсайда.

Глаза уже болели так, будто в них насыпали песок. Уоррен взглянул на время и вспомнил, что утром у него урок химии с мистером Хиггсом. Он начал монотонно закрывать вкладки браузера: игровой форум, обсуждающий новинки этого года, страничку «Амазона» с винтажными выпусками «Удивительного Человека-паука», график работы исторического музея Мунсайда, «Тамблер» его одноклассницы Сары Циммерман, который был забит перефильтрованными темно-синими фото городских пейзажей с жуткими рисунками поверх изображений (три раза он появлялся размытым пятном в ее блоге), статью про антидепрессанты и, наконец, коллекцию газетных заметок про семью Лавстейн, которую он хранил в облаке.

Мунсайд расположен недалеко от границы с Канадой и изначально был французским городом, поэтому ко многим вещам здесь относились с европейской вычурной педантично-

стью. Большую часть истории занимала семья Лавстейн, но было полно других семей, которые с гордостью вели семейное древо и всячески показывали, что они здесь с самого основания. Этакая местная аристократия, которая Уоррену поначалу казалась совсем неуместной.

Но затем он сам увлекся процессом смакования слухов и городских легенд, в большинстве которых фигурировали Лавстейны. Как основатели они, конечно же, сыскали себе славу и будто бы нарочно подпитывали к себе интерес еще с XVII века. В их роду были и сумасшедшие ученые, и поэты, и политики, и даже убийцы, но у всех была одна общая черта: почти никто из них не покидал город.

Дорога к их фамильному особняку шла сначала вдоль берега, потом сквозь заповедник. Пять километров одной-единственной дороги, вдоль которой нет ничего: ни поворота, ни магазинчика или заправки. Автобусы туда не ходили. Уоррен как-то попросил машину у отчима, но тот, услышав, куда он собирается, только рассмеялся. За полтора года в Мунсайте Уоррен ни разу не увидел особняк.

Он был одержим семьей Лавстейн. На их долю пришлось так много тайн и трагедий в духе Эдгара По, что Уоррен очень жалел, что никого из них не встретил. Винсент Лавстейн умер еще до его приезда, а Ивейн Лавстейн, о которой все говорили с большой неохотой, по слухам, похитили около четырех лет назад. Кто-то убеждал его, что она просто переехала вместе со сводным братом, но это было не так ин-

интересно, как похищение.

Помимо всяких страшилок и местного фольклора Уоррен бережно хранил все фотографии с телефона, сделанные в историческом музее или главной библиотеке, где хоть раз упоминались Лавстейны. В основном это были пышные и помпезные некрологи.

Он сам прекрасно знал, насколько странной была его одержимость. Оправдывал Уоррен себя тем, что в этом городе скучно, делать нечего, но есть тайна, и ее надо разгадать. Чем чаще он это повторял, тем больше начинал верить в собственную выдумку.

Закрыв последнюю вкладку, Уоррен выключил ноутбук. Глаза болели. Он провел ладонью по отросшим темным волосам и решил по старой привычке подышать перед сном холодным морским воздухом.

Океан, набережная, сосны и ряд домиков. Вон там валуны. Если приглядеться, можно увидеть край другого острова, совсем крошечного. Уоррен осматривался по сторонам, будто это были его владения. Сонливость спала.

Он думал о самом банальном – о будущем. О предстоящем выпускном, экзаменах, в какой колледж пойти, о своей девушке и друзьях, о чувстве, которое грызло его изнутри. Чувство, что он упустил что-то важное. Будто оказался в нужном месте и в нужное время, но сам оплошал: занялся не тем.

Послышались гудение и шум колес. Черный внедорожник

пронесся по трассе, а вслед ему – яркая оранжевая комета в небе. Уоррен подумал, что ему привиделось, комета быстро исчезла. Но тут же появилась еще одна... и еще... и еще... целый дождь!

Он жадно вглядывался в небо, недоумевая: почему никто его не предупредил? Почему астрономы не трезвонили о метеоритном дожде? Это же вроде не такое частое событие, чтобы оставить его без внимания.

Для обычного человека метеоритный дождь ничего не значит, но вот остальные жители Мунсайда уловили послание: наследника Лавстейнов вернули домой.

* * *

Сон в дороге всегда такой неясный и неровный, но цепкий. Я просыпалась пару раз, чтобы взглянуть на пустую дорогу и удостовериться, что Канаду мы все-таки покинули.

Мне снилась какая-то невыносимая мешанина из старых, полузабытых воспоминаний, которые за все время скитаний я держала запертыми. Будто бы в моей голове была отдельная коробочка на замке, которую обмотали скотчем и убрали в пакет. Сны... они состояли не столько из образов, сколько из запахов и звуков, каких-то идей и мелькавших деталей, которые знаменовали собой болезненные детские истории.

Лабрадор по кличке Аполло... Его лай, мягкость шерсти, клацающая пасть и запах, который она источала. Он сбежал,

когда мне было двенадцать, может, меньше. Гул и тарактеные первого байка Вольфганга. Запах виски. Ступни, шаркающие по полу, редкий «бам!», когда отец все-таки переставлял ноги, и шаги его звучали так, будто били кувалдой.

Щеку щекочет детское пальто. Тонкая полоса света между дверцами шкафа попадает прямо на левый глаз. Вольфганг держит палец у губ, а другой рукой зажимает мне рот. Мы слышим «БАМ». БАМ. БАМ. И запах виски. Терпкий и сладковатый, он бьет по ноздрям.

Молоко и корица, ложечка меда. Такой же сладкий смех. Шуршание страниц. Голос, напевающий «Идет человек по лесенке вверх». Пыль. Плавленный воск. Рогатые тени на плитке, чей-то шепот, уголок старой позолоченной рамы.

БАМ. БАМ. БАМ. Лай Аполло.

– Ивейн! Ивейн!

Запахи смешиваются, а звуки становятся все громче и настойчивее, бесформенная светлая пелена перед глазами резко сменяется темнотой.

– Приехали, принцесса, – фыркнул Вольфганг, схватив мой рюкзак. Не дожидаясь меня, он вышел из автомобиля, хлопнул дверью и зашагал к воротам.

Звуки спросонья казались слишком громкими, голова гудела, кожа горела. Я вышла из машины и неожиданно замерла, так и не закрыв дверь.

Я оцепенела подобно тому, как цепенеют люди, когда встречаются в лесу медведя, или когда видят голову дракона,

торчащую из воды, или когда за поворотом к дому их поджидает чудище. Дом мне всегда казался каким-то застывшим окаменелым монстром, точнее, его головой. Будто под землей пряталось остальное тело, а на поверхности оставалось лицо с раскрытым и жаждущим ртом.

Первоначально, в 1609 году, этот дом был городской ратушей и центром города. Затем его подожгли во времена Якоба Лавстейна, внука Генри. Сам Якоб был уверен, что поджог совершил его брат Адам, возненавидевший первенца за то, что ему достались вся власть и сила демона. Как меня уверял сам Кави, посмеиваясь, он сам сжег этот дом, потому что он был невероятно уродливым и безвкусным, а толпы народа перед ратушей стали его раздражать.

С того момента застройка Мунсайда стала двигаться на запад, а заповедник, благодаря местным тварям, – на юг, тем самым разграничивая владения Лавстейнов. Новый дом построили в георгианском стиле. Крепкий, из камня и извести, позже его отделали деревом цвета спелой сливы, а черепицу оставили угольно-черной. Богато декорированный, с двойными скатами крыши, как на голландских домах, таким он был в начале XVIII века. Аккуратный, симметричный – предел совершенства, как говорил Кави. Он так любил новый дом, что приложил все свои демонические усилия, сделав его не-убиваемым.

А затем семейка Лавстейн начала разрастаться. Каждый новоиспеченный правитель города не мог из-за магии уни-

чтожить старое, поэтому пытался наворотить новое. Появилась башня, затем западное крыло, возвели высокий каменный забор, возделали сад. В начале XX века все помешались на тайных ходах.

Так фасад здания рос, словно опухоль, и к моему поколению стал настоящим памятником безумию, упрямству и гордыне Лавстейнов.

Я смотрела, как особняк возвышался на холме и нависал надо мной, словно зверь перед прыжком. Видела круглое окно башни, шпиль в виде луны, который так обожал Кави. Шпиль напоминал ему о мечетях.

На заднем дворе, в пяти минутах от дома, стоял фамильный склеп, росли сосны, скорченные ивы, были холодные могильные плиты и памятники. Я не хотела помнить этот дом, все его входы и выходы, портреты внутри, множество комнат. Перед глазами вставали жуткие комнаты с высокими потолками, и мне отчаянно не хотелось возвращаться даже в свою детскую.

– Ты идешь? – раздраженно крикнул Вольфганг, и я быстро поплелась за ним, глядя строго себе под ноги. Сквозь мощеную дорожку пробилась трава. Газон запущенный. Вольфганг совсем не следил за домом.

Я переступила порог и, смотря в пол, поднялась по винтовой лестнице. Вольфганг упрямо шел впереди, я следовала за ним. Он открыл дверь, швырнул мои скромные пожитки и манерно пропустил меня вперед, наклонившись.

– Добро пожаловать в твой замок, принцесса. Выхода, как ты помнишь, нет.

Дверь закрылась. Я стянула кофту через голову, швырнула обувь куда-то в угол и рухнула на огромную кровать прямо поверх одеяла.

Переизбыток сна так же вреден, как и его недостаток. Я очнулась с больной головой, перед глазами все еще плыло. На мне была другая одежда. Вольфганг меня переодел? Как любезно с его стороны, но довольно странно.

После трех с лишним лет скитаний, когда приходилось спать где попало, матрац с дюжиной подушек – притягательная ловушка. Время тянулось медленно, я смотрела в потолок и чувствовала, как головная боль стихает. Лежала и не двигалась, потому что впереди были одна сплошная неизвестность и страх воспоминаний. Каждый уголок особняка был пропитан ими, а главным действующим лицом оставался Кави. Мысленно я называла его моей феей-крестной, и пусть двух злобных сестер у меня не было, но были брат и пьющий отец.

Гостевых спален в особняке было достаточно, и я даже порадовалась, что не вернулась в свою детскую комнату. Розовые рюшечки, кровать с балдахином, обилие игрушек. Их у меня имелось так много, что ни один игрушечный магазин не сравнится бы. Мягкие игрушки, куклы разных мастей, солдатики, воздушные змеи, кораблики, деревянные домики и замки. Я не так радовалась им, как тому факту, с каким вос-

торгом дарил мне их Кави.

Но были и другие вещи – книги. Старое иллюстрированное издание «Алисы в Стране чудес», «Ивейн, или Рыцарь со львом», разумеется, мои любимые «Аргонавты» и многие другие. У нас была библиотека, но полюбившиеся мне истории, в основном рыцарские романы, я таскала к себе и с любовью ставила в один ряд с куклами. Помню старое бархатное вольтеровское кресло багрового цвета. Днем оно стояло у огромного окна, всегда зашторенного, вечером – у моей кровати. Кави садился в него и читал. Когда я чуть подросла – то рассказывал истории. Про старых демонов, про то, как погиб Люцифер во времена правления Авеля Лавстейна, когда он, мечтая очистить город от скверны, привез инквизицию. Кави обожал истории про королей-самозванцев: норвежская королева Лже-Маргарет, персидский царь Гаумата еще до нашей эры, Ламберт Симел во времена «Войны роз», Лжедмитрий I и многие другие. О мировой истории он говорил с большим воодушевлением, чем об истории Мунсайда.

Я накрыла голову подушкой и с силой вдавила ее в лицо. Ткань нагрелась от дыхания. Я хотела отогнать воспоминания, закрыться от них и никогда не страдать. Потому что надеялась, что все вернется на прежние места, что Кави станет собой, встретит меня с мягкой полуулыбкой и скажет тихо и ласково, так, чтобы никто не услышал:

– Мой человек.

Но Мунсайд – это город наоборот. Его проклятие не в том,

что здесь обитают демоны. Его проклятие в том, что никогда ничто не будет здесь таким, как задумывалось, даже зло. Кажется, в самом составе атмосферы, вместе с кислородом и углеродом, есть неизвестное вещество, убивающее всю надежду. Единственное, чему я научилась: чтобы не было больнее, убей свою надежду первой.

За дверью послышались тяжелые шаги – БАМ, БАМ, БАМ, – похожие на поступь отца из далекого прошлого, когда мне не было и восьми. Только нечто, приближающееся ко мне, было в разы больше. Ваза на тумбочке дребезжала и едва не подпрыгивала при каждом шаге. Мне инстинктивно захотелось спрятаться под кроватью или залезть в шкаф. Я, конечно, не шелохнулась и продолжала смотреть на дверь в каком-то оцепенении. Ее с усилием толкнули ногой, и некое существо прошло внутрь, неся поднос. Кривой нос, отсутствие волос, глаз, лишь широко разинутый рот, как у Щелкунчика, сдвинутый вправо. Существо двигалось медленно, ступней вообще не было, только две колонны вместо ног. Оно поставило на край кровати поднос и встало напротив, скрестив подобие рук в ожидании. На нем был костюм как у дворецкого.

Я молча смотрела на него, он – возможно, на меня.

– Это Голем. – Вольфганг вынырнул откуда-то из коридора. – Знакомься.

Легенда о Големе есть чуть ли не в каждой религии, а если нет, то послушного раба заменяют в сказаниях новой тварью.

Прислужник, созданный для выполнения команд своего создателя. Но кто создатель? Я метнула недоверчивый взгляд на брата.

– Ты его сделал?

Уголки губ брата приподнялись вверх. Ненавижу, когда он гримасничает.

– Но ты же человек, – недоумевала я.

Вольфганг ничего не ответил и молча скрылся в коридоре. Голем стоял передо мной в ожидании. Я придвинула к себе поднос. Омлет, апельсиновый сок, вафля, залитая сиропом. Как он все готовит своими лапами?

– Голем! – Чудище отреагировало, вздрогнув всем телом. Так эта громадина еще и пугливая? Было интересно, станет ли он выполнять мои приказы. – Ты не мог бы... принести чаю?

Голем засеменял своими странными ногами в направлении лестницы. Интересно, Вольфганг обжег его или оставил глину высохнуть? И что это была за глина? Он заказал ее у кого-то из магов? Или, может, это подарок?

Пока я ела, брат продолжал стоять в дверях, оглядывая блеклую гостевую спальню с преувеличенной заинтересованностью.

Голем вернулся, держа в руках фарфоровую чашечку и блюдце, на котором разместились кусочек лимона и сахар. Чудище потопталось на пороге, нашло столик и поставило все это там. Что ж, Голем либо и правда что-то видит, ли-

бо досконально помнит особняк. Я такой памятью не могу похвастаться. По-моему, лучше бы и вообще не было этого «дворца» с портретами предков на стенах.

– Можешь идти, Голем. – Я проследила за его походкой. Уморительное зрелище.

Я отвыкла быть наследницей Лавстейнов и растеряла все свои аристократические привычки. Теперь особняки, пуховые перины и фарфоровые чашечки казались просто посмешищем. Я была в таких закоулках страны, где и пузатый телевизор – уже сокровище, и сейчас наслаждаться долгими ваннами и вкусными обедами было как-то совестно.

– У тебя встреча с Асмодеем через полтора часа, – между прочим сказал Вольфганг, проходя мимо спальни. – Помнишь, кто это?

Асмодея я видела в далеком детстве, но впечатления остались надолго. Какой-то там верховный демон, который заявлялся к нам в масках разных зверушек. Голос у него был такой, что мурашки по коже, несмотря на фальшиво-миролюбивые интонации. Они были дружны с Кави, но мне всегда казалось, что это вынужденное сотрудничество. Люцифер погиб несколько веков назад, и иерархия католических демонов существенно сдвинулась, сделав его главным. Следовательно, если Кави действительно не помнит, кто он, то Асмодей здесь, чтобы ввести меня в курс дела и рассказать, что творится на другой стороне Мунсайда – нечеловеческой. Газет они не печатали, держались тесным сообществом и ви-

делись только по ночам. Точнее, кто как хотел. Интересно, ковен до сих пор заправляет клубом у берега?

Я расправилась с завтраком совсем неподобающе аристократке: просто запихнув все в рот с невероятной скоростью. Вольфганг на это фыркнул, хотя сам манерами не отличался, и покинул помещение.

Пытаясь привести себя в порядок к приходу Асмодея, я долго и с наслаждением отмокала в ванне и старалась думать только о простых вещах: где раздобыть одежду, куда сходить в первую очередь, как узнать о состоянии дел в Мунсайте.

Мне ничего не оставалось, кроме как принять свою долю и следовать законам. Или (всегда остается то самое злое «или»)… сбежать.

Не прошло и суток, как я здесь, а уже обдумывала возможный побег. Впереди меня ждала не самая завидная судьба. В детстве она казалась приемлемой, потому что альтернатив я не знала. Я завидовала не столько жизни вне Мунсайда, колледжу и работе, сколько свободе, незнанию и бесконечным возможностям.

Когда я сбежала из Мунсайда, то много общалась с канадскими студентами: буйными, радикальными, пылающими надеждой и вдохновением. Во время студенческих вечеринок, когда мне приходилось пояснять, кто я и как сюда попала, я обычно рассказывала об отце-алкоголике, католических пансионатах и жизни на улице. Иногда, если это требовалось, изрядно приукрашивала историю мерзкими подроб-

ностями. Растлители-священники, домашнее насилие, наркота, телесные наказания. Порой я заигрывалась и придумывала совсем уж отвратительные события, как бы говоря: «Но вот я здесь, смотрите, какая я сильная, сильнее вас всех!»

Но если бы кто-то узнал настоящую мою историю, убрав тот факт, что я живу в городе с демонами, ведьмами и вампирами, то испугался бы куда сильнее.

Они бы испугались того, что моя жизнь подвержена одному монотонному алгоритму, что она принадлежит одному существу (и, по сути, это нарушает общечеловеческие права), что в моей жизни нет места выбору.

Все было записано заранее: управлять городом, никогда не выезжая за его пределы, решать проблемы людей и демонов, продолжать род. Последнее пугало меня, наверное, больше всего.

В особняке повсюду висели фамильные портреты, в библиотеке раскинулось огромное семейное древо, уменьшенные копии которого были еще в половине комнат, – живое напоминание о родовом проклятье. К тому же имелось фамильное кладбище, на котором я часто любила играть и даже училась читать по эпитафиям. И уже тогда, где-то лет в десять, я заметила, что женщины Лавстейн стараются родить как можно раньше: в шестнадцать, в четырнадцать, даже в двенадцать. В то время это было нормально, но я догадалась, почему такая тенденция сохранялась: они старались сократить свой срок правления.

После ванны я чувствовала себя почти человеком. В гостевой спальне лежало несколько пакетов с новыми вещами: джинсы, футболки, худи, пара новых кедров, в отдельном пакете – белая рубашка и черное, слишком откровенное для меня платье. А это уже не в стиле Вольфганга. От этих вещей пахло совсем иначе: вкусно. Не просто порошком, а теплым молоком с корицей и медом. В этом было что-то подозрительное.

Мой стиль в одежде – «надень все и сразу»: джинсы, футболку, худи на молнии, сверху куртку. Слой за слоем я прятала свое несуразное мальчишеское тело младшекласника. Это как зарыться под одеялом в грозу. Плевать на презентабельность, на то, какой увидит меня Асмодей.

Я не успела досушить голову, как зашел Голем, чтобы проводить меня. Я уже знала, в какую из сотен комнат он меня отведет: в самую нелюбимую для Кави.

Башню отстроили в конце XIX века, раньше она была только астрономической, пока Квебекка Лавстейн, моя прапрабабушка, не сделала из нее свой кабинет. Кави и Асмодей часто играли там в шахматы, мне было запрещено заходить туда: ступени каменные, скользкие, слишком опасные для ребенка, но часто мне было плевать на запреты, и я сбегала туда. Кабинет мне не нравился: казалось, будто портрет Квебекки Лавстейн, возможно, самой красивой женщины в нашем роду, следит за мной взглядом.

Асмодей уже сидел за столом. Строгий костюм терракото-

вого цвета, как всегда, безупречно аккуратен. Лицо закрыто маской из жесткой коричневой кожи в виде зайца. Визитная карточка Асмодея. Вот только надевал он маски по особым случаям, например, когда приходил за жертвой. Меня будто током ударило от этой мысли. Не считает ли он меня своей жертвой?

– Асмодей, – поприветствовала я его, не зная, куда лучше сесть. И дня не прошло, а они отправляют меня на встречу с могущественным демоном.

– Мисс Лавстейн. – Да, тот самый голос: насыщенный, глубокий, миролюбивый, но пронизывающий до мурашек. – Рад видеть вас в здравии.

Мне ничего не оставалось, как сесть напротив него. В этот момент я четко осознала, что обратного пути нет.

– И я.

Асмодей стянул с себя маску, и мое сердцебиение участилось. У него были внимательные, пронизывающие карие глаза, смотрящие на все с оттенком разочарования. Черты лица тонкие, морщин мало, но глубокие. Волосы он убирал назад.

– Сигару?

Я помотала головой. Отец часто курил. Этот запах стойко ассоциировался у меня с ним. Хотелось поскорее закончить с этим. Надеюсь, Асмодей не станет расспрашивать меня, какой колледж я выберу и есть ли у меня жених.

Асмодей только фыркнул. Он ловко отрезал кончик сигары, достал собственную зажигалку, поджег и с удовольстви-

ем выдохнул идеально ровное кольцо.

– Значит, мисс Лавстейн, вы желаете приступить к своим обязанностям?

– Неуместный вопрос. – Кави всю жизнь учил меня вести такие переговоры, но все равно было страшно. И самое ужасное – Асмодей видел этот страх и нагло пользовался им. В неровном свете ламп черты его лица постоянно менялись, и на какой-то момент мне стало казаться, что лоб его прогнулся. Я надавила на глазные яблоки, пытаюсь прийти в норму. – Скажем так, сейчас я здесь и хочу знать, что происходит в Мунсайде.

– И участвовать в собрании Комитета? – Он поднял бровь. Так: Комитет, Комитет – вспомни, что это.

– Лучший представитель каждой магической касты... – начал пояснять Асмодей. То ли он столь проницателен, то ли действительно читает мысли.

– Собираются вместе на совете. Да, я вспомнила. И мой ответ: да, хочу.

Асмодей пожал плечами и улыбнулся уголком губ.

– Так что происходит в магическом мире?

Асмодей стряхнул сигару.

– Все по-прежнему. Три года для нас не срок, мы не люди.

– Что? Никаких перемен?

– Много бумажной работы. В прошлом году мы утвердили, что статус видящего...

Видящий – человек, посвященный в магический мир

и способный, очевидно, видеть полный облик Мунсайда, но лишенный выбора присоединиться к какой-либо касте, участвовать в шабашах и магических мероприятиях. Фух! Я хоть что-то помню. Или Асмодей транслирует свои знания?

– Статус видящего могут получать только те, у кого есть хотя бы одна четвертая нечеловеческой крови.

– Но раньше была одна шестая, насколько помню.

Асмодей опять пожал плечами.

– Ценз растет.

Ага, демоны так и остались любителями чистоты крови, как погляжу. Мы неловко помолчали.

– Что еще новенького?

– В Мунсайте появилась новая школа, «Доктрина», смежная: люди и нечисть. И это академия, только для старшекурсников.

Латинское название... Явно приложил руку кто-то из высших.

– А кто директор?

– Мой брат Самаэль.

Подозрительно: Самаэль – ангел смерти. Их семейство не занималось такими мелкими делами, как учебные заведения.

– Кстати, приглашаем окончить ваше обучение именно у нас.

Я громко рассмеялась, что Асмодею не понравилось.

– То, что вы из семьи Лавстейн, не освобождает вас от ди-

плама о среднем образовании, более того, ваш личный учитель... уже не у дел.

Кажется, последний факт Асмодею нравится.

– А вторая школа?

– Всего лишь школа. У нас – академия. Это две разные вещи.

Сколько пафоса. Я фыркнула. В моих планах точно не было никакой школы.

– И почему вы решили пустить туда... простых смертных?

– Для адаптации.

Наверняка устроили там какой-нибудь «Хогвартс», где юные демоны запихивают в шкафчики отпрысков людей.

– Более того, это лучший способ влиться в жизнь Мунсайда, взглянуть на ваше поколение.

– И ради этого вы сюда пришли? Позвать меня в школу? Могли бы прислать сову с письмом через дымоход.

Шутки он не оценил.

– Я хотел убедиться, что вы не пойдете по стопам своего отца и настроены серьезно. Принять приглашение – лучшее доказательство.

Я не сдержала ухмылки. Значит, я еще должна что-то доказывать. Забавно.

– Кави этого хотел бы, – добавил он между прочим, стряхивая пепел. Знает, на что давить.

Я, если быть откровенной, всерьез задумалась над его предложением. Оторванная от земной жизни несколько по-

следних лет, я иногда действительно мечтала о нормальной школе.

Хотел бы этого Кави? Не могу сказать. Как и утверждать, чего бы хотела я.

– Асмодей, скажите, происходит ли в Мунсайде что-то, о чем я должна знать?

– Ничего противозаконного. Обратни обращаются в полнолуние, ведьмы по ночам летают на метлах, вампиры пьют кровь из донорского центра. У нас нет проблем.

Но явно созревают. Кожей чувствую.

– Тогда почему Кави стер себе память, если все так хорошо? Или это неправда?

По его лицу я поняла, что это действительно так. Он потушил недокуренную сигару. Асмодей явно спешил покинуть замок.

– Кави нечасто посвящает меня в свои дела, это было его решение.

Сказано с заметной обидой. Я уже давно заметила, что между ними довольно напряженные отношения.

Он достал из своего портфеля несколько папок и пренебрежительно бросил их на стол.

– Ознакомьтесь с цифрами, – вежливо попросил он. – А мне пора идти. Встретимся на созыве Комитета.

Я вскользь пролистала бумаги с отчетами о проведенных шабашах, с переписью магического населения и прочей ерундой. У демонов с бумажной работой все в порядке.

Неужели в этом столетии личина сатаны – бухгалтерия?

Дверь закрылась. Выдохнув, я откинулась на спинку стула, чувствуя себя невероятно вымотанной. Бросила взгляд на Квебекку. В детстве я хотела быть похожей на нее, но ни скул, ни шелковых темных волос, а уж тем более такого пронзительного взгляда мне не досталось. Как и дипломатических способностей.

Выждав минут пять, я спустилась вниз.

* * *

Обедать в столовой я никогда не любила, предпочитая кухню. В детстве, когда я не могла заснуть, Кави приводил меня именно на кухню, где наливал горячее молоко с двумя ложками меда и крошкой корицы сверху. Поэтому я и любила кухню: за хорошие воспоминания, – но сейчас в них был болезненный привкус. Хотелось снова стать четырнадцатилетней и никуда не сбегать. Кажется, мозг блокировал воспоминания о побеге, потому что помнила я смутно. Вроде бы это была последняя воля отца, все организовали его военные друзья, а я тогда действительно верила, что меня спасают.

Голем, увидев меня на кухне, поднял то, что должно быть бровями. Так отвратительно и небрежно слеппен – сразу видно: работа Вольфганга.

А вот и он, легок на помине. Улыбчивый черт.

– Вот ты где! Как Асмодей? – Вольфганг сам схватил

кружку с полки, хотя Голем поспешил выполнить это за него. Чудище вело себя как ребенок, который жаждет угодить отцу. Видимо, Вольфганг лепил Голема на замену мне.

– У нас, демонов, высших существ, все в порядке, – передразнила я Асмодея. – А в целом ничего полезного: рассказал про школу, надавал бумажек со всякими отчетами.

– Типичный Асмодей, – усмехнулся он. – Эти маски его жуткие. Я в детстве чуть в штаны не наделал, когда впервые его увидел, прикинь.

Братец был, к моему удивлению, разговорчив. Он ловко налил в стакан скотча и подмигнул мне. Я приняухалась, учуяв что-то странное и постороннее. Раньше этот трюк с легкостью мне удавался: лишь капелька концентрации и осознанности.

– Что еще говорил верховный демон? – Вольфганг будто назло отвлек меня.

– Звал в «Доктрину».

Вольфганг присел на краешек стола. Голем поспешил ему отодвинуть стул, но братец даже бровью не повел. Было что-то умилительное в жестах Голема, а в отношении к нему Вольфганга – жестокое.

– О! Отличная академия. Прекрасно готовит к экзаменам. С дипломом из «Доктрины» ты можешь легко поступить в Гарвард или Сорбонну. Кажется, в детстве ты прекрасно говорила по-французски.

Он смотрел на меня серьезно, и я не могла понять, шутит

он или нет. Наконец Вольфганг засмеялся во все горло, запрокинув голову.

– Какой тебе Гарвард, а уж тем более Париж, сестренка. Ты навеки увязла здесь.

– Будто я не знаю, – со злостью ответила я. Подтрунивает и издевается, зная, как мне на самом деле плохо даже сидеть на этих резных стульях. Вольфганг же, напротив, к роскоши привык.

Что-то мелькнуло в проходе, и я выглянула. Девушка быстро прошла по коридору, застегивая на ходу рубашку. Даже принюхиваться не пришлось. Было легко понять, что она такое.

– Суккуб? – только и спросила я, переводя недовольный взгляд на Вольфганга.

Он пожал плечами и сделал глоток. Кажется, брат жил на всю катушку, пока меня не было.

Девять лет назад

– Думаю, – Кави жадно потер руки, осматривая фолианты старых пыльных книг, ровно стоящих на полочке, – ты уже достаточно взрослая для таких вещей.

Это отделение библиотеки было совсем маленьким и самым старым. По легенде, это была первая комната, которую построили в особняке. Электричество здесь так и не провели, единственный свет исходил от огромных свечей, которые стояли на полу и воском пачкали паркет. Убирались здесь

редко, поэтому, войдя внутрь, я принялась чихать от пыли.

– Вечно забываю, что ты человек, – с долей умиления сказал Кави, протягивая мне платок и возвращаясь к полке.

Огромный зал библиотеки мог сгодиться для какого-нибудь старого колледжа, а не одной аристократической семьи. Все деревянное и старое. В ящичке стола нашлись чернила и перо, правда, засохшие. Я научилась ими пользоваться раньше, чем шариковой ручкой.

В стеклянном стеллаже хранились самые важные документы и книги. Среди них – оригинал договора между Кави и Генри Лавстейном, который я заучила практически наизусть, но многие пункты мне оставались непонятны в силу возраста. Первая редакция «Демонкратии», свода законов нечисти в Мунсайде, которые я вот-вот должна была начать изучать. На соседнем стеллаже хранились рукописи стихов Дориана Лавстейна, датированные 1832 годом, мемуары других известных предков и последняя книга, вышедшая из-под пера Корнелиуса Лавстейна, «Исповедь и исследования», из-за которой демоны разорвали его на куски. Это все, что я о ней знала.

– Есть у вашей семьи одно преимущество... О! Вот она! – Кави с трудом достал огромную книгу и с грохотом уронил ее на стол. Поднялась пыль, и я принялась кашлять. – О, прости. Так вот. – Он сел напротив. Из-за оранжевого огонька свечей кожа у него стала как карамель, а глаза заблестели оранжевым цветом. Я сидела и прижимала к носу платок. –

Твое преимущество – это твое обоняние.

– Обаяние?

– Нет, хотя и это, бесспорно, тоже. Но я говорю о носе. – Он постучал указательным пальцем по собственному. – Многие недооценивают этот орган чувств, не развивают его. Конечно, ведь этот мир в плане ароматов бывает просто чудовищным.

Я хихикнула, отложив платок в сторону.

– Знаешь же, что собаки узнают друг друга по запаху? То же самое ты должна проделать и с представителями лунного мира.

– Обнюхать их? – брезгливо поинтересовалась я.

– Нет-нет, просто сделай глубокий вдох через ноздри. – Кави вдохнул, и его грудная клетка поднялась и опустилась. – Чем незаметнее, тем лучше.

Я попыталась повторить, но тут же начала кашлять.

– Слишком пыльно.

Кави удрученно вздохнул.

– Смотри. – Он открыл книжку. – Помнишь, как в тех журналах, которые были в парикмахерской? Потрешь страницу и почувствуешь запах. Тут точно так же.

Страницы были желтые, некоторые – в пятнах, какие-то сторовевшие. Практически все – пустые, только каллиграфическим почерком слова на латыни. Латинский язык я знала хорошо. Кави все листал книгу, пытаясь найти что-нибудь подходящее.

– Вот, например, как пахнет ведьма.

– Какая именно ведьма?

Кави улыбнулся.

– Молодец, правильный вопрос. Попробуй – и узнаешь.

Я недовольно потерла страницу ладонью и, вдохнув запах,

скривилась.

– Болотная.

– Правильно! Давай кого-нибудь другого...

– Стой! – Я заметила картинку с красивыми обнаженными женщиной и мужчиной. – А это кто?

Кави пару раз моргнул, приоткрыв рот.

– Это... э-э-э... Наверное, тебе еще рано такое знать? – спросил он. – Ладно, попробуй. Зато они вкусно пахнут.

Я вдохнула. Запахло молоком, парой ложек меда, корицей и еще чем-то, едва уловимым и кислым.

– Запах этих существ... подстраивается под твой любимый.

– Так что это за существа такие?

– Это... – Кави печально вздохнул и смутился, – суккубы и инкубы. В принципе, они отличаются только по половому признаку. Послушай, Ивейн. – Он взял меня за руки. Он всегда так делал, когда хотел привлечь мое внимание. – Никогда не давай им прикоснуться к тебе. Это очень хитрые, алчные и жестокие создания. От них всегда нужно держаться как можно дальше.

Это я хорошо запомнила. Вот только Вольфганга никто

этому не научил.

Каспий

Криста Брутто была невероятно красивой девушкой, даже без демонического обаяния. Просто генетическое везение, немного ухода за собой – и ты первая красавица. Только смысл быть первой красавицей, если достойные женихи обходят тебя стороной?

Криста обогнула небольшой людской парк и выехала на главную дорогу. Дома в центре города были многоэтажные. Единственное место, где можно снять квартиру, а не покупать себе фамильный особняк. Возможно, она слишком быстро покинула дом Лавстейнов, но ей не терпелось поделиться новостями. Даже пару раз проехала на красный и едва с ума не сошла, ожидая лифт.

Их квартира была крошечная: небольшая студия и спальня – но на двоих вполне хватало. Каспий звался ее братом, чтобы не было лишних вопросов. Он разительно отличался от нее своей аристократической бледностью, светлыми, почти белыми волосами и ярко-голубыми глазами. Криста же – загорелая шатенка, будто сошедшая с обложки модного журнала. Единственное, что их объединяло, – необыкновенная красота.

Каспий листал учебник по химии, развалившись на диване в крошечной гостиной. Стоило Кристе перейти порог, как

он радостно улыбнулся, привлекая к себе внимание.

– Так что? Вчерашний метеоритный дождь был не просто так?

Криста покачала головой, подошла к брату и, схватив за руки, подняла с места. Он опешил. Никогда не видел ее такой сияющей.

– Что...

Криста обняла его и закружила по комнате, радостно смеясь.

– Девчонка, Каспий, девчонка! Я ее видела. – Она схватила его за плечи.

Каспий хмыкнул, не понимая, к чему ведет Криста.

– И она будет учиться в «Доктрине»! Вместе с тобой! И только попробуй все испортить, Каспий. – Вся красота Кристи вмиг исчезла, лицо исказилось, будто стало злой, гневной маской. – Это наш единственный шанс.

«Наш единственный шанс», – эхом отразилось в голове у Каспия. Внутри него будто что-то рухнуло. Он всю жизнь надеялся, что этот момент не наступит.

2. По лестнице вверх

Дорогой Кави.

Я пошла в эту чертову школу потому, что Асмодей произнес свое туманное: «Кави хотел бы этого». Не знаю, чего именно ты хотел. Больше интриг, унижений, домашки, в конце концов? Или друзей, врагов и боли утраты? Мне остается только гадать, что было бы, предпочти я остаться дома, а не пытаться казаться «нормальной». Возможно, позже, намного позже, когда стану умнее, я скажу школьным годам спасибо, но уж точно не сейчас.

Твоя Ивейн

I

Окей, давайте думать логически. Я из семьи Лавстейн, которая несколько столетий назад создала этот город, дав приют тысячам мерзких тварей, пугающих вас по ночам. В восемнадцать лет я смогу делать с этим городом что угодно, став этакой «королевой подлунного мира». Следовательно, я тут самая крутая? Не говоря уже о том, что мой напарник – всесильный демонифрит. Исходные данные задачи понятны? А вот теперь вопрос: как, по вашему мнению, должна вести себя эта самая нечисть за три месяца до моего со-

вершеннолетия? Вариант первый – преклонить колено и попытаться добиться моего расположения. Вариант второй – игнорировать меня. И, наконец, вариант третий – запереть меня в шкафчике.

О да, последний вариант самый верный. Кто знал, что «Доктрина», несмотря на свое звание академии, будет воспитывать таких уродов. Давайте вернемся к началу этого дня, когда все пошло не так.

Вольфганг все мое детство куда-то пропадал. Иногда его не было день, порой – месяц, как-то раз – полгода, так что я не удивилась, что утром меня встретил только Голем. Как порядочная мамаша, он не только приготовил мне завтрак, но еще и упаковал ланч с собой. На выходе из дома он встал на крыльце и тоскливо опустил плечи, глядя вслед. Я до сих пор в недоумении от этого существа.

Школьный автобус за мной не приехал, как и планировалось. Я вообще думала о том, чтобы учиться инкогнито, под чужим именем, но понимала, какая это глупая идея. Нечисть не обманешь.

Взяла старый велик Вольфганга (мой был чересчур розовым) и отправилась в злосчастную школу. Все выглядело удручающе. Большинство любимых мной мест: книжные магазины, булочные, семейные рестораны, да хоть магазин рыболовных снастей – было закрыто и заколочено досками. Видимо, плохие времена для малого бизнеса. Я не могла понять, всегда ли Мунсайд выглядел так уныло? Мои детские

воспоминания были яркими: высокие сосны, валуны, зеленая трава, густой лес заповедника, яркие вывески и крошечные лавки, люди и нелюди. Казалось, пять лет назад их было в разы больше.

Проезжая через центр города, где дома стояли тесно друг к другу, я заметила белые прямоугольники объявлений и из любопытства остановилась перед одним из столбов. Это были извещения о розыске пропавших людей. Я насчитала семь разных портретов на одном столбе. У них не было ничего общего: возраст, раса, пол. Просто случайные люди, которые почему-то исчезли за последние... месяца три? Слишком много. Почему Асмодей мне об этом не сказал?

В задумчивости я поехала дальше, чувствуя зарождавшуюся тревогу. Конечно, репутация у Мунсайда не отличалась чистотой. Вампирам нужно есть, ведьмам – кого-то приносить в жертву, но благодаря демонкратии несанкционированные людские жертвы наказывались сполна. Не говоря уже о том, что на протяжении столетий делалось все, чтобы каждому хватало. И, насколько помню, система работала хорошо. По крайней мере, Кави не жаловался.

Я боялась не найти свою новую школу, но не заметить ее было довольно сложно. «Доктрина» возвышалась на холме и выглядела впечатляюще для нашего скромного городка. Длинная широкая лестница вела к зданию из темно-красного кирпича. По ней уже поднимались стайки учеников. Я оставила велосипед на стоянке, накинула капюшон на голо-

ву и быстро, стараясь ни на кого не смотреть, поспешила наверх.

Несмотря на то что большую часть времени я проучилась в стенах особняка с персональным учителем (изучая не только математику, историю, английскую литературу и французский, но и оккультизм, демонологию и практический латинский язык), что такое школа – я знала. Во-первых, по фильмам, где главная стерва – это капитан чирлидерш, всегда блондинка, и книгам, где главный красавчик влюбляется в мышку-ботаника. Во-вторых, первые полгода после моего побега из Мун-сайда я прожила в частном женском интернате. Там для стервозных тварей с предменструальным синдромом единственным развлечением были травля и сплетни. Я не шибко скучала по этому месту.

Еще снаружи было понятно, что «Доктрина» – статусное заведение. Асмодей отхватил для своего брата лакомый кусочек: на холме, с хорошей дорогой, недалеко от центра, да еще и парк рядом. По сравнению с другими школами в Мун-сайте (а их тут было всего ничего) «Доктрина» выглядела впечатляюще. Потеряться здесь не составило бы труда, особенно для меня.

В первую очередь мне стоило посетить директора, взять список учебников, выбрать дополнительные предметы, ну и, в конце концов, поздороваться с ангелом смерти.

Бродя по коридорам и стараясь быть как можно незаметнее, я чувствовала заинтересованные колкие взгляды в свою

сторону. Я смотрела строго себе под ноги, думая, что идти в школу было не такой уж хорошей идеей.

Слухи в Мунсайде разлетаются моментально, но не было никаких оснований полагать, что весь город уже в курсе моего возвращения. Асмодей не из болтливых, а Вольфганг вряд ли стал бы об этом распространяться. Разумеется, рано или поздно все будут в курсе, но мне хотелось, чтобы этот момент наступил как можно позже.

Кое-кого я смогла все-таки заметить. Сборище магов, которые держались вместе и злобно над кем-то хохотали. Несколько парней и девушек, сразу видно – элита школы. Все как по учебнику.

Они мрачно заткнулись, стоило мне пройти мимо. Один из них, самый высокий, с ярко-зелеными глазами, громко хмыкнул, привлекая к себе внимание. Ничего не сказал и молча проводил взглядом, пока другие шептались.

Я сжала кулаки в кармане толстовки, но головы не подняла. Я так и не поняла, где находится кабинет директора, но не собиралась ни у кого спрашивать дорогу. Я была готова ходить наугад. Отличный план. Мешало только одно: искать кабинет, уставясь себе под ноги, довольно затруднительно. Ладно, десять шагов, быстро поднимаем взгляд и снова в пол.

А вот и дверь «Директор С. Самаэль». Потрясающе, он даже имя не захотел сменить. Интересно, если его фамилия Самаэль, а имя начинается на «С», то он Самаэль Самаэль?

Зайдя в приемную, я сразу почувствовала тухлый, горький запах серы, сопутствующий многим демонессам не самого высокого ранга. «Елизда Адро» – гласила табличка на столе секретарши, но я сразу поняла, кто передо мной.

– Ну и ну, – цокнула она, не отвлекаясь от маникюра. Дьявольски красивая брюнетка в очках смерила меня насмешливым взглядом. – Посмотрите, кто явился.

– Я к Самаэлю. – Я хотела уже пройти к двери директора, но Елизда взглянула на меня так, что пришлось застыть на месте.

На территории Мунсайда люди, не имеющие статуса видящего, даже не догадывались, кто обитал с ними по соседству. Раньше демоны не скрывали своего истинного облика, не стесняясь ни красных глаз, ни рогов, ни всего того, чем их так щедро одаривали в геральдике. Но со временем людской облик стал смешиваться с истинным, и порой, если сильно приглядеться, то можно заметить первичные атавизмы. В случае Елизды, а точнее, Елизадры, это пара оленьих рогов и четырехметровый рост.

– Самаэля сейчас нет. Я за него.

Итак, директор школы – ангел смерти и разрушений, его секретарша – вторая жена Сатаны и советник по кадровым вопросам.

– Заместитель директора, – прошипела она. – Напомню тебе, Лавстейн, что Мунсайд называют столицей ада, а не Лавстейнляндией.

– Но и не Диснейлендом имени Елизаздры, – мгновенно выпалила я. Я бы с таким именем порог школы не переступала. Елизда Адро! Серьезно? Может быть, хотя бы Елизадетт, если уж так хочется намекнуть на свою дьявольскую суть?

Демонесса фыркнула, всячески игнорируя мои колкости.

– Смотрю, Лавстейн, ты упертый оптимист. Безумна, как и вся твоя семейка. – Она подула на свои ноготки, второй рукой что-то ища в ящике стола.

– Это у меня от папы.

Елизде (какое действительно дурацкое имя) мои шутки не нравились, и было заметно, как она пыталась быстрее от меня избавиться.

– Список учебников. Все можешь взять в библиотеке. Список предметов на выбор. – Она положила еще два листочка. – Этот – для нечисти, тот – для людей. Код и номер шкафчика. Расписание. Бланк на выбранные предметы, занесешь в конце дня. Все понятно?

Я взяла ворох бумаг и прижала к себе, кивая.

– А Самаэль когда будет?

– Когда сдохнешь, – спокойно ответила она, покрывая лаком вторую руку.

– Если вы со всеми учениками так разговариваете, то сомневаюсь, что пройдете аккредитацию, – пробубнила я себе под нос.

Елизда подняла голову и с жуткой улыбкой произнесла:

– Мы так разговариваем только с избранными.

На этой ноте я решила ее покинуть, поспешно выйдя в коридор. Меня аж подташнивало от такого «теплого» приема. Я-то наивно полагала, что самое худшее, что меня ожидает, – это неуместная лесть и подхалимство, но, видимо, никто здесь не желал меня видеть.

Будто в подтверждение моих слов тот высокий из компании магов, противно скалясь, стремительно направился в мою сторону. Позади него толпились остальные. Ничего хорошего это не сулило.

– Ну привет, Лавстейн. – Ему пришлось нагнуться, чтобы его лицо оказалось на одном уровне с моим.

Меня не так пугали демоны, как школьные хулиганы. Высоченные парни, не знающие, что такое личное пространство. Упершись спиной в шкафчик, я сжала крепко губы в ожидании, когда это закончится.

– Да... я думал, что ты будешь... – он оглядел меня с головы до ног с заметным отвращением, – презентабельнее.

Шайка позади него противно захихикала.

И как я сразу не узнала, кто это передо мной. Дебильные фразочки, самооценка выше Эвереста, пижонский видок и, конечно, зеленые глаза – их отличительная черта.

«Раз такое слово твой язык смог выговорить, то поздравляю, Вестфилд, ты оправдал фамильное звание лизоблюдов», – хотела бы сказать я, но промолчала, кривя лицо и глядя на его блестящие ботинки.

Вестфилд, одна из древнейших и наипротивнейших се-

мей, с которой мы всегда соперничали: Монтекки и Капулетти Мунсайда. И я согласилась бы быть Джульеттой, если этот Ромео сдохнет первым.

Магическая аристократическая семейка, помешанная на евгенике¹. Путем скрещивания с магами разных типов у них рождались отпрыски со смежными способностями. Они всегда мечтали о магии демонов, о том, чтобы занять наше место, и в качестве компенсации стали практиковаться в экспериментальной магии, став лучшими в своем роде. Но и этого им было недостаточно. Завидуя нам, во времена Великой депрессии Вестфилды сделали все, чтобы Лавстейны потеряли свой капитал, в том числе местную промышленность, которая первую половину жизни города принадлежала нам. Властные, самолюбивые, завистливые и отвратительные. Не менее отвратителен их отпрыск, который решил продолжить дело предков и доконать меня.

– Отлично, новая «принцесса Мунсайда» – умственно отсталая! – Снова противный хохот его шайки. – Нас ждет великое будущее.

Почему я могу ерничать наедине с демоном, но не могу ответить достойно этому сопляку?

Прозвенел звонок, но Вестфилд был все еще возмутительно близко. Его химический едкий запах, смешанный с сильным парфюмом, выбивал меня из колеи, его двухметровая

¹ Евгеника – учение о селекции применительно к человеку, а также о путях улучшения его наследственных свойств.

туша нависала надо мной, и казалось, что кислорода не хватает.

– Идем, Варрон, – рыженькая ведьма подтолкнула его и добавила довольно безрадостно: – у тебя будет еще много времени.

Шайка прошла мимо, я сделала пару шагов вдоль стены и быстро поспешила найти класс, думая о том, что сделаю с этим местом после моего совершеннолетия. Ни одного урока не прошло, а я уже ненавидела «Доктрину». Единственное, что меня утешало, – это туманное «Кави хотел бы этого».

Первым уроком была английская литература, я забилась, как испуганный зверек, за последнюю парту и натянула капюшон. Варрона здесь не было. Я не вслушивалась в слова излишне бойкого, даже эксцентричного молодого учителя и задумчиво разглядывала список дисциплин. Мой выбор основывался на том, к чему меньше всего требовалось прилагать усилия: на литературе, рисовании, французском языке, который я хорошо подтянула за время, проведенное в Канаде. Список для нелюдей был куда интереснее: основы демонической юриспруденции, история Мунсайда, история вампирских кланов, теоретическая магия и многое другое. Да, Самаэль вложил душу в это заведение, сделав полноценную адаптацию для любого нечеловека. Правда, я еще не до конца поняла, как он мог держать эти занятия в тайне от второй половины учащихся.

Я уловила звенящую тишину и ощутила, как взгляды

всех присутствующих обратились ко мне. Мистер Ассекс (по крайней мере, так я записала его в своей новой, чистенькой тетрадке) неловко и криво улыбался, глядя на меня.

– Не хотите ли представиться, раз у нас выдалась свободная минута? – Судя по смешкам остальных, он не первый раз задал мне этот вопрос.

Я тупо открыла рот, не зная, что и ответить. Становилось совсем неловко.

– Я, пожалуй, пас, – выдавила я из себя, пряча подбородок в складках кофты.

– Я тоже в Мунсайде новичок, – добавил он успокаивающе. – Просто пару слов о себе.

– Не стоит. – Я старалась не смотреть на преподавателя, но ученики уже обернулись ко мне. Кто-то смотрел с интересом, кто-то – со злорадством.

– Да, правда не стоит, мистер Ассекс, – крикнул кто-то с задних парт после долгой паузы. – Это же Лавстейн.

Ради всех богов и демонов, я не знаю, кто это говорит, но пусть он закроет рот.

– Им едва ли не весь город принадлежит. – Я обернулась. Да. На лицо полный идиот.

– Я просто... дальняя родственница, – попыталась я вывернуться из этой ситуации. – Ничего необычного, мистер Ассекс, я самая обыкновенная.

Ох, хотела бы я, чтобы это было действительно так.

На следующем уроке биологии, на котором Варрона тоже

не было, а только тот парнишка, который меня сдал, в напарницы по лабораторной мне досталась громкая, шумная Сара. Только я успела порадоваться, что биологичка явно не была настроена на знакомство и глупое представление, как Сара просто атаковала меня болтовней.

Миниатюрная брюнетка с пухлыми щеками. Она носила только желтое, и даже наушники у нее были этого цвета. Задорная и бурная, она беспрерывно шептала, поясняя, кто здесь кто, и рассказывая последние сплетни, будто мне было интересно.

– Ой, а ты не против, если я тебя как-нибудь сфоткаю? Ты даже не заметишь! Это для моего блога!

Я, сжав губы, записывала форму образца лишайника номер три. Она рассказывала о своем блоге, стала тыкать в лицо свои работы: перефигурованные, размазанные фото с жуткими рисунками по верху. Все это не очень вязалось с ее мультяшным образом.

Сара была стопроцентным человеком. Такой вывод я сделала не на основе запаха, который едва можно было почувствовать сквозь тошнотворный ванильный парфюм, а от того, как дружелюбно, открыто и уверенно она вела себя со мной. Нечисть обходила меня стороной, недовольно косилась и всячески пыталась показать свое пренебрежение, все больше уверяя меня в том, что мне здесь не рады. Но я никак не могла понять почему. Неужели обида на предыдущие поколения была сильнее возможности сдружиться с «будущим

правителем»?

Парень, который меня сдал, беспрерывно смотрел в мою сторону. А когда я решила взглянуть на него в ответ, он чуть не уронил микроскоп. Неловкий гик с довольно милой внешностью, кареглазый, с россыпью крупных родинок на щеках и вздернутым носом.

– Эй, Сара, а это кто? – Я ткнула напарницу в бок, и Сара наконец, оглядываясь, заткнулась.

– Рыжий или брюнет?

– Брюнет, – кивнула я в его сторону. От него это не укрылось, и он снова что-то уронил на пол. Может, как раз образец номер три.

– Уэллс! – пригрозила учительница. – Скажите спасибо, что мы на уроках не изучаем сибирскую язву! С вашей грацией тут все уже были бы мертвы.

Все сдавленно захихикали.

– Уоррен Уэллс, перевелся полтора года назад, переехал из Виннипега, его отец держит оружейный магазин. Отличник, любимчик Хиккса, который ведет химию. Встречается с Селеной Хиллс. – Последнее она как-то особенно отметила, заглядывая мне в глаза. – А его лучший друг – Томас Хиллс. – Она указала на худого рыжего парня с вечно недовольным лицом, который тащил на себе всю лабораторную. – Селена постоянно водится с Варроном Вестфилдом.

Меня аж передернуло от упоминания. Наверное, раз она сестра Томаса, то это та рыжая девчонка, которая отвела от

меня Варрона.

– Варрон – это...

– Да знаю я, кто он, – процедила я сквозь зубы.

– Ну конечно, ты его знаешь! Его все знают! Он почти никогда не ходит на уроки, сколотил себе банду. Популярнее его только, может, Брутто. – Сара странно затихла, задумавшись. – Но с Селеной у них какая-то особенная связь, – мечтательно произнесла она, будто мы обсуждали не реальную жизнь, а персонажей сериала. – А еще Уоррен и Варрон, заметила, да? Варрон, понятное дело, куда симпатичнее. Я бы на его месте спуску не давала Уэльсу. Но Уэльс слишком безобидный, не знаю, что в нем нашла Селена.

Да где же у нее кнопка?

Объяснений, почему этот самый Уоррен Уэльс так на меня пялится и так хорошо осведомлен о моей персоне, я не услышала. Сомневаюсь, что его друзья-маги посвятили его во все тайны города. Во-первых, это неразумно, во-вторых, наказуемо. Больше ничего интересного я не узнала.

Затем наступило страшное время обеда, который я хотела бы пропустить, но от мыслительных нагрузок пробило аппетит. Я отвыкла от занятий и чувствовала себя неловко. Более того, люди, куча людей и нелюдей. Я социофобией не страдала, скитания развили во мне коммуникативные навыки, но в закрытом пространстве чувствовала себя неуверенно. Куда легче общаться с человеком, зная, что вас ничто не связывает и вы никогда больше не встретитесь.

Кормили сносно, в столовой не было никаких поющих фонтанов, зато во дворе стояли столики среди можжевельника и, не поверите, яблонь. Может, они надеялись воспитать нового Ньютона? Абсурд, потому что Мунсайд не мог похвастаться подходящей погодой для летней веранды даже летом.

Я быстро избавилась от Сары, как только она приметила кого-то еще. Но, зайдя в столовую, тут же пожалела об этом. Здесь школьная иерархия проявлялась во всей красе. Я не понаслышке знала, как важно сесть за нужный столик. Я стояла с подносом в руках и рассматривала учеников. Варрон в окружении своей свиты выжидающе приподнял брови и гадко ухмыльнулся. Кучка ребят с подносами, полными мяса под соусом, – стая оборотней. Трое ребят, попивающих сок, – скорее всего, молодые вампиры. Компании готов, школьных красавиц, гиков – все неосознанно провели сортировку, тем самым поддерживая мнимый порядок. У выхода стоял пустой одинокий столик, и, кажется, он был единственно верным решением. Я поспешила туда, как только заметила какое-то мельтешение. Тот самый Уоррен активно махал рукой, пока его дружок, Томас, прикрыл от стыда лицо.

– Эй! Привет! Садись к нам!

Я в нерешительности застыла на месте, но поняла, что это неплохой вариант. Я села напротив Уоррена, а Томас демонстративно отодвинулся от меня. От него сильно несло горьковатым неприятным мужским дезодорантом. Раз его сестра

в компании магов, то и он наверняка относится к этой касте.

– Привет, я Уоррен. – Парень протянул мне руку, хотя сам смутился от нелепости этого жеста, и я неловко пожала широкую потную ладонь. – А это Томас. – Тот сдержанно кивнул, не отрывая взгляда от подноса. – Я... хотел извиниться за урок литературы. Не стоило мне так возникать.

Я молча водила вилкой по картофельному пюре. Когда я решила пойти в «Доктрину», то не планировала с кем-то общаться, тем более заводить друзей. Отчасти потому, что мне это совершенно не нужно, ну и я не слишком хороша в этом. Заводить знакомства на улице, травить байки, чтобы кого-то впечатлить, – пожалуйста. В моих скитаниях это было неотъемлемой частью выживания, и, откровенно говоря, я устала от этого.

– Я сам был новеньким год назад. Переехал из Виннипега, – с гордостью сказал Уоррен. От него так и разлило жизнерадостностью и оптимизмом, свойственными канадцам. – Ну... как тебе Мунсайд?

Томас бросил на меня недовольный взгляд.

– Он сильно изменился, пока меня не было.

Томас прыснул, а Уоррен широко раскрыл глаза от удивления. Зачем я это сказала?..

– Так ты и правда та Лавстейн, которую похитили несколько лет назад? – Он перешел на восторженный шепот, будто кто-то мог подслушать нас в этом гуле.

– Тише, тише. Я всего лишь дружелюбный сосед, Чело-

век-паук. Не надо, чтобы обо мне знали лишние люди.

– Так ты последняя из Лавстейнов? – зашептал Уоррен. Глаза у него так и загорелись. Боже, лишь бы он не оказался еще одним искателем приключений. – Я столько читал о вас, постоянно ходил в городской музей, фото твоих предков есть на каждом важном событии города.

Кажется, у нас тут фанатик Мунсайда.

– Я слышал, тебя похитили, хотели потребовать выкуп, но твой отец отказался.

Полезно знать такие слухи.

– А похитили меня, наверное, масоны, – фыркнула я, сложив руки. – Слушай, Уоррен, все куда прозаичнее. Если ты мне сейчас будешь затирать легенды о том, что мы выкупили эту землю у какого-нибудь демона...

– Иффрита, – поправил он.

Сказать, что я удивилась, – ничего не сказать. Едва язык не прикусила. Откуда такие познания?

– У кого?

– Ну... ифрит. Что-то вроде джиннов.

– Все намного проще. – Я решила рассказать одну из известных баек городка. – Жил индеец с чудным именем, был он шаманом, думали, что демон. Мой предок выкупил у него землю за свою так называемую душу, что на деле оказалось воздушным змеем. На одной его стороне была луна, на другом – солнце. Змей упал на землю стороной с луной вниз, и город назвали Мунсайдом. Никаких демонов, ифритов и кто

там у тебя еще. Я понимаю, городок унылый. Хочется, чтобы тут бродили оборотни и вампиры. – Томас куда-то уставился, и я интуитивно проследила за его взглядом. Рыжая девчонка, которая отвела от меня Варрона. Сестра Томаса. Варрон подошел к ней и что-то шепнул на ухо. Она не сводила с меня недовольного взгляда. – Но никто меня не похищал. Меня отдали в интернат на юге Канады, потому что папочке я надоела. Потом выгнали. И брат меня забрал. Все. Конец.

Внезапно мой поднос опрокинулся прямо на меня. Пюре, горошек, кусок мяса – все оказалось на моей одежде. Я ошарашенно наблюдала, как рыжее пятно уродливо расплзается по джинсам, пока свита Варрона задыхалась от смеха.

– Привет, Уоррен, – заговорила подошедшая к нам рыжая девчонка, обняв парня со спины. – Привет, Томас.

Ох, как же сильно завоняло ведьмой и несанкционированной магией.

– Селена, – Томас впервые заговорил, – познакомься, это Ивейн Лавстейн.

Я с наслаждением ждала ее реакции, надеясь, что она так и захочет меня умаслить, обильно извиняясь. Но она только вздернула брови и фыркнула.

– Селена Хиллс.

Она была наитипичнейшей ведьмой среднего разряда. Ее магия была такой банальной и простой в сравнении с теми же вуду, виккой или гоэтией, что ее называли классическим салемизмом в честь немалоизвестных салемиских

ведьм. Представьте самое скучное, что вы знаете о магии: зелья, легкие заклинания, врачевательство и такие ничтожные манипуляции со стихиями, что они едва заметны.

– Очень приятно, – проговорила я, принимая из рук Уоррена салфетки и пытаюсь хоть как-то спасти джинсы, но безуспешно. – В этом Хогвартсе не учат чистящим заклинаниям?

Уоррен улыбнулся, а вот Селена и Томас напряглись.

– К сожалению, нет, – ответила Селена. – Давай я покажу тебе, где туалет.

А затем схватишь за волосы и ударишь головой о раковину?

– О! Очень мило с твоей стороны.

Меня ждало позорное шествие через всю столовую, и я солгу, если скажу, что Селена не получила от этого удовольствия. Интересно, она знает, что через несколько месяцев мне исполнится восемнадцать и я смогу ее хоть на корм пикси отдать, независимо от того, едят они человечину или нет.

Мы вошли в туалет. Селена остановилась у зеркала, поправила волосы и перевела на меня уничтожающий взгляд.

– Я знаю, кто такие Лавстейны, достаточно хорошо. И хочу, чтобы ты уяснила кое-что.

Я скрестила руки на груди, готовясь бить по лицу и таскать за волосы. Потому что все к этому и шло.

– Я уверена, что ты поступишь точно так же, как и твой отец: трусливо спрячешься и оставишь всех жителей без нор-

мальной магии. – Она подошла вплотную.

Кажется, теперь я поняла, почему меня так холодно встретили. Вероятно, Лавстейны принесли больше вреда, чем пользы. Мы просто обесточили магическую часть своим уходом. Все видели, что городок вымирал. Нечисти было за что нас ненавидеть.

– Своим отъездом ты лишила нас Кави. – Она подтвердила мою догадку и ткнула пальцем мне в ключицу.

– Эй! Тебе-то какая разница? – Я сделала шаг назад.

– Ты правда не в курсе?

Я надеялась, что она блефует.

– Слушай меня, ведьма...

– Это ты слушай меня, отродье Лавстейнов. Можешь думать, что все только и ждали твоего возвращения, но ты сильно ошибаешься. Лавстейны – уже прошлое. И ты – прошлое. Как думаешь, кто вывез тебя из города?

Я была озадачена. Мой отъезд – последняя воля отца, он не хотел, чтобы я была с Кави.

Селена усмехнулась.

– Какая ты глупая, всего лишь жалкий прислужник такого же жалкого демона.

Я уже занесла руку для удара, только вдруг горло обожгло и свело чудовищным спазмом. Я попыталась закричать, но изо рта вырвался лишь хрип. Чары. Черт побери.

– Советую тебе спрятаться в своей башне, принцесса, – она нагнулась ко мне и прошептала: – и не высовываться.

Селена вышла из туалета, и я рванула к раковине. Меня трясло: от страха, гнева, вопросов. Она блефовала. Откуда малолетняя ведьма могла что-то знать? Но с одним я была согласна: меня здесь явно не ждали.

Я вышла из туалета только после того, как прозвенел звонок, предварительно повязав кофту на бедрах в надежде прикрыть пятно. Я могла обратиться к Самаэлю, он снял бы рядовое заклинание. Мне очень хотелось позорно схватить вещи и сбежать домой, прогуляв последний урок. Возможно, я буду молить Вольфганга взять меня на домашнее обучение, поговорить с Асмодеем. Кто знает, может, демон на то и надеялся и просто подговорил Селену против меня? Кажется, у меня начиналась паранойя. Зачем Асмодею заниматься такой ерундой?

Коридоры были пустыми, и я сильно удивилась, когда увидела Томаса. Он не был похож на человека, который прогуливает занятия. Будто специально меня ждал.

– Держи. – Он протянул мне крошечный пузырек с какой-то жидкостью. – Это от удавки. Еще будешь хрипеть, но зато сможешь говорить.

Я кивнула, спрятала флакончик в задний карман, стыдливо опустив глаза. Теперь я поняла, почему он так странно на меня смотрел: Томас просто не хотел нарваться на неприятности, поэтому и пытался отсесть от меня. А я-то сочла это за какую-то антипатию.

– Ивейн... – он тяжело вздохнул, – держись подальше от

Уоррена.

«Чтобы меня не убила его девушка?» – спросила я мысленно.

– И не только. – Думаю, он догадался, о чем я подумала, или же владел телепатией. – Уоррен слишком любопытный. Он пытается разгадать «тайну Мунсайда» и уверен, что Лавстейны – ключ к ней.

Я пожала плечами. Все равно он ничего не найдет. В Мунсайте были целые филиалы для таких любопытных, как он, не говоря уже о древнем мощном заклинании, которое не позволяло людям видеть что-то потустороннее.

– Просто люди в последнее время пропадают. Именно люди, Ивейн. Те, кто никогда не знался с демонами или только переехал сюда. Кто-то их похищает.

Прекрасно. Как будто в Мунсайте и так проблем было мало.

– Не волнуйся. Зелье не отравя. – Томас вздрогнул, будто что-то увидел, и поспешил уйти. – Я бы сказал, что тебе лучше спрятаться, но они и так тебя найдут.

Я лишь губами спросила: «Кто?»

И вот тогда меня заперли в шкафчике.

Судя по хохоту, Варрон или кто-то из его шайки шутки ради пульнул в меня заклинанием. Я прилично приложила голову о железное днище, до искр из глаз. Через узкую щель были видны зеленые глаза Варрона, которые так и искрились неподдельным злорадством.

– Принцесса в башне! – победоносно крикнул он, ударив ладонью по дверце. Железо загрохотало, и я сжалась в комок, будто бы это могло меня спасти. Варрон вглядывался в темноту, и глаза его смеялись. Он наблюдал за мной, как за насекомым в банке. – Ничего не скажешь, Лавстейн?

Возможно, мне хватило бы бравады ответить ему что-нибудь колкое, но, спасибо Селене, я была способна только на жалкий, едва слышный хрип.

То ли Варрону быстро это наскучило, то ли кто-то увел его. В итоге я осталась одна. Запертая в темном крошечном шкафчике, где невозможно пошевелиться, без шанса позвать на помощь в ближайшие сорок минут.

Я изо всех сил давила панику, стараясь найти в темноте «светлую сторону». Если я сейчас разрыдаюсь, делу это точно не поможет. Я пнула изо всех сил дверцу, но она не поддалась. Пыталась нащупать мобильник в рюкзаке, но было так тесно, что я не могла пошевелить руками.

Вестфилды всегда нас ненавидели. Травля Лавстейнов для них – как охота на куропаток, пижонское развлечение. Но раньше они были куда изящнее, видимо, это Варрону не передалось.

Как только выберусь из шкафчика, сразу же пойду к Самалю и потребую свои документы обратно. Даже не так. Просто не приду, осталось всего два месяца. Зачем мне эти выпускные экзамены, аттестат, если я сразу же с наступлением совершеннолетия окажусь на вершине карьерной лестницы?

И тогда я отомщу. Сполна. Вестфилд будет еще молить о пощаде.

Что-то звякнуло в кармане. Я вспомнила о зелье и с трудом вытащила его. Чуть приподняв руки, присела, наклонилась и откупорила зубами пузырек. Обхватила его губами и запрокинула голову вверх. Горло тут же расслабилось, адская боль прошла. Я попыталась что-то произнести, но это был слабый, почти неслышный шепот. Мне ничего не оставалось, кроме как пинать со всей дури дверцу, чтобы кто-то меня услышал. Может, мне откроет учитель, Сара, Уоррен или Томас: зелье же подействовало, значит, он не будет издеваться надо мной.

Ожидание, кажется, тянулось вечность. Я уже полностью погрузилась в грезы, представляя, как Варрон, давясь слезами, будет молить о пощаде. Я так задумалась, что почти не услышала приближавшихся шагов. Дверь резко открылась, и я неловко вывалилась вперед, упершись руками в чью-то грудь. Голова сладостно закружилась, по коже побежали мурашки. Слишком хорошо.

О нет.

Я вдохнула воздух, пропитанный запахом меда, молока и корицы.

– Нет! – только и просипела я, снова залезая в шкафчик и закрывая дверцу. Я старалась даже не смотреть на моего спасителя. Он рассмеялся, и даже смех звучал прекрасно. – Я знаю, кто ты такой.

– Давай, принцесса, выходи, пока урок не закончился.

Приятный баритон. Нет, нет и еще раз нет!

– Меня предупреждали насчет таких, как ты, – крикнула я из шкафчика. Ну как крикнула – прохрипела.

– Обещаю, что я к тебе не прикаснусь. Если ты сама, конечно, не захочешь, – добавил он.

Отлично, Ивейн, просто супер. Ты решила сегодня познакомиться со всеми представителями демонического мира?

Парень сделал шаг назад и миролюбиво поднял руки вверх, только после этого я осторожно вышла из шкафчика, натянув рукава кофты на ладони. Он оказался намного выше меня. За плечом у него был рюкзак: значит, ученик «Доктрины». Ох как мне повезло. Нет! Не повезло. Нельзя смотреть на него: на идеальную кожу, кристально-голубые глаза, светлые волосы, идеальные скулы, пухлые губы. Нет!

– Каспий Брутто. – Он протянул мне руку, и я отшатнулась. Он рассмеялся.

– Чую, меня ты знаешь, – прохрипела я, направляясь к выходу.

– Конечно, Лавстейн. Моя сестра, м-м-м, дружит с твоим братом.

Я подняла бровь. Та шикарная брюнетка-суккуб – его сестра? Но, насколько помню, у сукубов не может быть детей или каких-то родственных связей. В этом их фишка: блуд без последствий.

– Точнее, она мне не сестра. Но... это мелочи.

Если кратко, то суккубы и инкубы в христианской вере представляют собой желание и похоть. Их задача – совращать, соблазнять и съедать, тем самым нарушая догму о прелюбодеянии. С помощью секса они питаются энергией людей.

В Мунсайде у инкубов и суккубов незавидное положение. Демоны, конечно же, на вершине пищевой цепи, но вот демоны-соблазнительники далеко позади, едва ли не на самом дне. Репутация у них, мягко говоря, не очень, да и в силу своих способностей у них не так много вариантов заработка на жизнь.

Все они, разумеется, сверхъестественно привлекательны. Всегда молоды и обворожительны, у них есть природное демоническое обаяние, выделяющее их среди прочих. А прикосновение инкуба или суккуба может загипнотизировать и даже полностью подчинить. Если по-хорошему, то к ним не только не стоит прикасаться, но и просто смотреть в их сторону. Я же интеллектом не отличалась, как мне доказал Вестфилд, поэтому спросила:

– Почему ты мне помог?

– М-м-м, потому что красивая девушка в беде, – неуверенно предположил он.

– Давай-ка без этого демонического флирта, – предупредила я его, быстро двигаясь к выходу. Он не отставал.

– Потому что женщина должна быть прикована только к плите.

Я неосознанно засмеялась, но тут же себя одернула. Нельзя забывать, кто передо мной.

– На самом деле я только наполовину инкуб, так что тебе нечего бояться. Демонического обаяния у меня не так много. А помог я тебе... потому что, как ты наверняка знаешь, у инкубов и магичек сложные отношения.

Конечно, средневековый конфликт, кроме того, на инкубов и суккубов почти не действует ведьмовская магия, и последних это бесит. Вот только как можно быть наполовину инкубом? Полукровок за историю Мунсайда было ничтожно мало – считается, что это генетическая аномалия.

Мы вышли из школы под шум звонка, когда волна учеников спешила покинуть здание. Мне не хотелось еще раз наткнуться на шабаш, поэтому я ускорила шаг.

– Я могу тебя проводить?

– Шкафчики на дороге не предвидятся, мой герой. – Я спускалась по лестнице вниз чуть не бегом.

– Ты можешь мне довериться, Ив. – Я только закатила глаза.

– Потому что твоя несестра спит с моим небратом? – Каспий фыркнул.

– Потому что я – наполовину человек, как и ты.

А это уже звучало как аргумент. Я уставилась на него и остановилась на лестничном пролете, думая, как его отшить и стоит ли это делать.

Тут к нам подбежал Уоррен. За ним семенил недовольный

Томас.

– Э-э-э, я не видел тебя на химии, у нас последний урок был совместный. – Я заметила краем глаза, как Каспий заулыбался и оперся о лестницу, наблюдая за потешной сценой. – Слушай, если тебе нужна помощь с домашкой или еще что...

– Надеешься попасть в мой особняк и найти тайную комнату с заспиртованными пришельцами?

Уоррен напряженно рассмеялся.

– Да. На это я и рассчитывал, – добавил он уже серьезно. Я сочувствующе потрепала его по плечу.

– Пока, Уоррен. Пока, Томас. Приятно было познакомиться. Идем, Каспий.

Инкуб самодовольно улыбнулся, и мы двинулись прочь от школы. Я слышала, как Уоррен спросил у Томаса: «Что у нее с голосом?»

– Кто-то должен защищать тебя от ботанов.

– Ты мне не защитник, я сама справлюсь.

– По делу, рыцарь Ивейн: что у тебя есть кроме нюха и ослепительной красоты?

– Способность не вестись на дешевые комплименты! Малыш, после того как меня запихнули в интернат, я, считай, три года колесила по стране и выживала как могла.

– Но в стране, кроме этого уголка, нет ни оборотней, ни вампиров, ни уж тем более ведьм. То, что ты Лавстейн, не избавляет тебя от ярлыка чужака. Может, кто-то из Комитета

будет лицемерить и врать, что долго ждал тебя, но на деле это не так.

Я вопросительно посмотрела на него. Он уже второй, кто говорит об этом.

– Но разве... город не погибнет, если я не соединюсь с Кави?

Он только пожал плечами.

– Я говорю тебе все, что знаю. Наше племя здесь не особо в почете. Нас не посвящают во всякие тайны.

Не сговариваясь, мы свернули с маршрута, ведущего к автобусной остановке, и просто бродили по округе. По сравнению с Монреалем, Торонто или Виннипегом здесь было удручающе тихо. Тоскливый пейзаж Мун-сайда стал еще тоскливее из-за заколоченных дверей магазинов, заброшенных зданий, листовок о пропаже людей и потрескавшегося асфальта. Город пустел, будущего у него не было.

– Думаешь, Комитет знает, как прожить без меня? – не выдержала я.

Каспий задумчиво покачал головой.

– Твои предки очень часто отказывались от своих обязанностей. А потом твое похищение...

Похищение. Я совсем забыла об этой странной реплике Селены. Честно говоря, я плохо помнила этот момент своей биографии. Среди ночи меня поднял на ноги один из приятелей отца (даже имени его не помню), посадил в машину, и все. Когда я поняла, что именно произошло, было слишком

поздно. Но затем мне все доходчиво объяснили и сказали, что спасли меня от пожизненного рабства. Приятель отца с темными усами и военной выдержкой тыкал в меня пальцем, настойчиво повторяя, что он меня спас, что это последняя воля моего отца и что тот всегда хотел для меня только лучшего. Я рыдала, глотая слезы и давясь соплями. Он так кричал, что я ему, конечно, в какой-то момент поверила.

– Ходят слухи, что они ищут альтернативные источники питания.

– Ага. Солнечные батареи.

– Кто знает... я совсем не секу в магии.

– Это что за хрень?

Мы резко остановились. Под небольшим мостом на каменной стене красным было криво написано: «Смерть Лавстейнам». Меня пробрала дрожь. Хотелось отвернуться, но я продолжала глупо пялиться.

– Ты меня сюда специально привел?

– Что? Нет! Я сам это первый раз вижу, точнее, не первый... – Каспий внимательно оглядел надпись. Красные кровоподтеки, жуткий размашистый шрифт, будто написано кровью. – Такую же я видел на заброшенной железнодорожной станции. Еще Сара выкладывала фотки. Странно, что сейчас она здесь.

Меня трясло и тошнило. Какого хрена? Это дурацкая шутка? Что это вообще такое?

– В смысле странно?

– Обычно эти надписи появляются не в многолюдных местах, а в каких-нибудь заброшках, где-то там.

– Их много?

– Вживую я видел одну, ну, уже вторую. Зайди в блог к Саре, она их все фоткает.

– Может, она их оставляет?

Каспий рассмеялся.

– Вряд ли. Она вообще не знала, кто такие Лавстейны, пока не наткнулась на это. Их, кстати, быстро стирают. Завтра ее уже, скорее всего, не будет.

Может, Каспий пытался меня утешить, но это не помогло.

Мы шли молча по направлению к улице, где было много магазинчиков и кафешек, и я радовалась, что тень глобализации не упала на Мунсайд. Ни «Макдоналдса», ни «Уолмарта», ни прочего шлака. Мунсайд самодостаточен и красив, по крайней мере, несколько лет назад было так. Тут даже продавались сувениры в виде злосчастливого змея, хотя туристов почти не водилось.

Заметив знакомую розовую вывеску в конце улицы, где начинался подъем на гору, с которой открывался прекрасный вид, я едва не прослезилась. Почти каждую нашу прогулку мы с Кави брали у старика Зу (Зу – потому что зомби), два пончика: лимонный и малиновый. Затем поднимались вверх по склону и садились на скамейку. Я всегда оставляла Кави кусочек малинового, а он пытался накормить меня

лимонным, который казался мне излишне кислым. Это было прекрасно. Мы сидели, Кави рассказывал мне старые легенды, устраивал проверки домашнего задания, а затем мы сбегали по холму, играя в «Кто быстрее». До сих пор помню, как в конце дороги мы всегда задыхались от хохота. А когда я во время такой гонки упала, проехавшись по асфальту коленками, Кави так испугался, что донес меня до дома на плечах. Мне было лет восемь, наверное.

– Хочешь зайти? – догадался Каспий.

Я кивнула. Несмело, будто боялась спугнуть какой-то важный момент, я зашла в крошечную пекарню. Стенд с пончиками и пара столиков. Каспий прошел к холодильнику за водой. Старик Зу, как и положено зомби, не изменился, в его взгляде не было ни капли осмысленности, но мне показалось, что меня он узнал. Хотя я перекрасила волосы в более темный цвет, мои детские щеки пропали, да и пять лет прошло, в конце концов.

Я подошла к стенду, ожидая, когда человек передо мной сделает заказ, и осматривала крошечное кафе. Ничего не изменилось.

– Один лимонный и один малиновый.

Я окаменела. Его голос. Правда, более слабый, какой-то нескладный и грубый. Его рост, такая же ширина плеч. Кави, это точно был Кави, хотя я видела только его затылок, и то в капюшоне.

– Простите, – просипела я, положив руку ему на плечо.

Кави дернулся, будто его ударили током, и сделал шаг назад. Кожа у него словно поблекла, лицо заострилось, проступили острые скулы, под глазами чернели мешки. Он выглядел разбитым, потрепанным и безумным. А взгляд... В нем было столько звериной злобы, просто оттого что я дотронулась до него.

– Ты знаешь, что такое личное пространство? – спросил он сквозь сжатые зубы.

Я чуть не сказала вслух: «Ты же до семи лет разрешал спать вместе с тобой, если мне приснился кошмар».

Он всем телом старался держаться подальше от меня, будто я была прокаженная. Неужели это он? Кави всегда был вежливым, мягким и галантным, настоящим аристократом, а сейчас он больше походил на чокнутого бездомного.

– Простите, – выдавила я, убирая руку. – Я обозналась.

Кави, или кто-то с его лицом, осмотрел меня с головы до ног брезгливым, злобным взглядом.

– Извините, – только повторила я.

Он грубо схватил свой пакет с нашими любимыми пончиками, поправил капюшон и вылетел из супермаркета, двигаясь вперед, вверх по горе, на наше место. Я видела, как его до сих пор мелко трясет от раздражения.

Я только закрыла рот ладонью, прикусив пальцы, и смотрела, как он шагает по извилистой дороге.

Это был Кави, демон, заменивший мне отца и брата, ифрит, который был мне лучшим другом, единственным, для

кого я хоть что-то значила.

Совершенно другой.

II

Первая неделя в Мунсайде была изматывающей. Никогда в жизни я так не ждала вечера пятницы, и, как назло, на все выходные обещали дождь. У нас с Каспием был намечен рейд по магическим уголкам города: проверить фей, посмотреть, остались ли еще драконы в заповеднике.

Вольфганг так и не пустил меня в мою старую спальню, отшучиваясь, что устроил там спортзал, что было абсолютно в его стиле. Тухнуть в особняке мне не нравилось. До сих пор мороз по коже от этого места. Эти портреты, обилие бесполезных комнат, склеп на заднем дворе, библиотека. Жуть просто.

Я сидела на кухне, выискивая в интернете информацию о пропавших людях. Прочла пару газетных заметок. Пропали в три последних месяца. В прессе их называли «Общество лунатиков». Оказалось, что у всех похищений – а их было десять – есть общие черты: у всех как один сначала сбегали домашние животные, а за неделю до своего исчезновения жертвы начинали ходить во сне и вообще странно себя вести. В одной статье всерьез рассматривали теорию, что всему виной пришельцы. Мол, изучают животных и людей, проводят эксперименты. Я достала из библиотеки огромный

бестиарий, стараясь там надолго не задерживаться. Библиотека всегда была священным местом. Там висели огромный гобелен всей семьи Лавстейн и полотно, где Кави и Генри Лавстейн заключали договор. Его подарил сам папа римский во время правления Авеля Лавстейна, католического фанатика, устроившего в Мунсайте инквизицию.

Кави ненавидел это изображение и все повторял, что однажды его сожжет. Генри и Кави стояли друг против друга, пожимая руки, а вокруг их голов светился золотой нимб. Кави – мусульманин, он видел в этом издевку. С Авелем у них тоже были не самые лучшие отношения.

Я надеялась, в библиотеку мне придется вернуться не скоро. Про запас взяла экземпляр «Демонкратии», пару магических энциклопедий и полный сборник «Бестиария». Я хотела попытаться выяснить, что за существо похищало людей.

Сегодня должна была состояться встреча с Комитетом, а я еще домашку не сделала. Вот и спрошу у них, куда люди пропадают. Я жутко нервничала. У них каждый день менялись правила. То оборотня надо было называть вервольфом, потому что неполиткорректно, то кровь называть не кровью, а жидкостью, чтобы не раздражать вампиров, которые уже столетия злятся на нас за то, что мы запретили им нападать на людей. Разбираться в юриспруденции нечисти было так же сложно, как в задании по геометрии, к которому я так и не приступила.

Уоррен всячески намекал, что готов меня поднатаскать.

Но, во-первых, Селена Хиллс, его подружка, этого не оценила бы, а во-вторых, Уоррен лишь хотел забраться ко мне домой и найти все скелеты в шкафу. Томас всячески одергивал его. Кажется, ковен хотел лишь запугать меня, что им и удалось. Единственным одноклассником, с которым я поддерживала связь, оставался Каспий. Неизвестно, какие у него на меня планы, но он явно дружит со мной не просто так. Как же не хотелось об этом думать.

Голем приготовил мне горячий шоколад. И хотя руки у него были кривыми, готовил он вкусно. Не древние деликатесы Кави, но тоже интересно. Правда, иногда его лицо от готовки плавилось, и мне приходилось его поправлять.

– Может, устроим какой-нибудь прием? – Вольфганг изнывал от скуки. Мое присутствие явно мешало его обычному стилю жизни. – Задобрим нечисть. Сырое мясо на ужин и кровавое фондю.

Голем тут же поднялся на ноги, готовый искать рецепт кровавого фондю.

– А в шоу-программе твоё выступление на фоне оркестра сверчков.

– Я лишь пытаюсь решить проблему.

Вольфганг игнорировал все потуги Голема как-то ему угодить. Голем носился с ним как мамаша, желая чем-нибудь услужить. Было в этом что-то очаровательное. Он, кстати, сейчас смотрел на меня. Ну как смотрел, просто повернул голову в мою сторону.

– Я так больше не могу. – Схватив нож, я отрезала две нижние пуговицы на рубашке. Все равно никогда их не застегивала. – Голем, можно клей?

Голем бегом поспешил выполнить поручение, оставив нас с братом наедине.

– Что ты знаешь о Кави?

Вольфганг, ожидая этого вопроса, самодовольно улыбнулся.

– Что он торчок, городской сумасшедший. Чаще всего сидит дома, иногда шастает по улице.

– И больше ничего?

– Он не из самых приятных людей.

Да, это я заметила. Голем вернулся с клеем на серебряном подносе. Интересно, где он их достает?

– Спасибо! – Намазав пуговицы клеем, я быстро прикрепила их на то место, где у Голема должны были быть глаза. Теперь он приобрел удивленный вид. Лучше не стало. Все так же жутко.

– Эй, это моя игрушка.

– Не смешно, Вольф.

– Он все равно ничего не понимает.

С этими глазами-пуговицами казалось, что понимает.

– Итак, какие планы?

Планов было много. Например: найти Кави и поговорить с ним; попытаться понять, кто крадет людей; выяснить, кто сейчас заседает в полиции; узнать, что задумал против ме-

ня ковен; зачем меня похитили несколько лет назад; подготовиться к заседанию Комитета и сделать домашку на понедельник.

– Валяться в постели и смотреть смешные видео в интернете.

– Тоже дело. Но вай-фая здесь нет, как и компьютера.

– И телевизора, – с горечью подметила я.

Из электроники в особняке был старенький стационарный телефон, но на этом все, даже плита газовая. Гостиных спален больше, чем розеток. Средневековая рухлядь.

– Могу с Големом сыграть в «Твистер».

– Не советую, – шепнул Вольфганг. – Он все-таки из глины.

Дождь усиливался. Настроение катилось в бездну. Мне надо было срочно чем-то занять себя, иначе я могла прорексировать весь вечер и, конечно, думать о Кави. С одной стороны, я хотела его видеть, с другой – нужно было держаться от него подальше, от нового Кави, злого и неуравновешенного.

Дорога к дому огибала особняк, так что с кухни можно было увидеть, если кто-то ехал к особняку. В глаза мне ударили синие и красные огни полицейской машины.

– Скажи спасибо, что сирену не включили, – со злостью заметил Вольфганг, собираясь уйти. Поняв, что он движется в противоположном направлении от главного входа, я крикнула:

– Эй! Ты оставишь меня разбираться с полицейским?

– Твой город – ты и разбирайся.

Не думаю, что я успела нарушить закон, разве что перейти дорогу в неполюженном месте. Если полиция приехала к нам, то, скорее всего, за Вольфгангом. И ведь не поленились в такой ливень.

– Добрый вечер, офицер, – произнесла я, открывая дверь и пропуская его внутрь.

– Точнее, шериф.

Высокий, широкоплечий и улыбчивый, он был слишком молод для шерифа. Вдохнув запах, я поняла, где собака зарыта. Вампир. Типично для Мунсайда. Половина участка – вампиры.

– Мисс Лавстейн, приятно познакомиться. – Он пожал мне руку, оглядывая просторный холл. – Я Оуэн Кольт. Мне приходилось бывать здесь лет семьдесят назад. – И он с интересом заглянул мне за спину.

– Мне кажется или это хорошо? – Я решила провести его в гостиную, помахав Голему, который спрятался за колонной. – Семьдесят лет без преступлений?

– Поверьте, мисс Лавстейн, преступлений ваша семья совершила на годы вперед, – с добродушной улыбкой намекнул он. – Но в дом никогда не пускала.

– Так, значит, эта байка о том, что вампира нужно пригласить в дом, – правда?

– Конечно. Если дело касается старого поколения вампи-

ров.

Даже голова заболела от мысли, что скоро нужно будет изучать их биологические отличия и вампирские кланы.

– Присаживайтесь.

Мы прошли в гостевую, и шериф не прекращал вертеть головой, разглядывая картины и предметы интерьера. Я решила вести себя солидно, как хозяйка дома, а не школьница, поэтому была сдержанна и учтива.

– Так что привело вас сюда?

Голем отвлек внимание гостя, подав на подносе чай. У бедняги тряслись руки, и из комнаты он почти сбежал. Вампир улыбнулся, и мне показалось, что я заметила клык.

Конечно, он был бледным, но не бледнее обычных людей. В Оуэне Кольте не было ни намека на аристократизм. Напротив, внешне он казался простоватым дурачком, но, если приглядеться, становилось понятно, что это всего лишь образ.

Кави рассказывал про вампиров и, как ни пытался воздерживаться от гневных комментариев, постоянно повторял, что доминантные черты этой расы – алчность и властолюбие, но к верхушке их не пускали крупные демоны, поэтому упыри занимали должности, связанные с кровью: врачей и полицейских. Их кормежка была разрешена на законодательном уровне, но жестко контролировалась надзирателями. Времена, когда вампиры лакомились вдоволь, давно прошли, но все знали, что они мухлевали, чтобы получить лишнюю каплю человеческой крови.

– Так чем могу помочь?

Шериф потер подбородок.

– Боюсь, как бы вам не понадобилась наша помощь.

– Наша – это чья? Вампиров или полиции?

Из кармана он достал сложенные фотографии, потрепанные и сделанные на скорую руку.

– Конечно, мы могли бы запрыгнуть в машину, отправиться туда...

Я уже не слушала, уставившись на снимки. Как и рассказывал Каспий, надписи «Смерть Лавстейнам» на фасадах заброшенных зданий. Меня подташнивало от этих фото. А вот и последняя, под мостом.

– Их уже не успевают закрасивать.

– Они же были и до моего приезда?

Оуэн сощурился и с сомнением посмотрел на меня, и мне это не понравилось. Затем улыбнулся, чтобы сгладить впечатление. Настроение было испорчено окончательно, в висках заныло, я положила фотографии на столик.

– Это дело рук людей?

Демоны никогда не марались бы таким, они предпочитали другие методы. Но чем я не угодила людям, точнее, наша семья? Мы же – древняя легенда, не более.

– Возможно, – пожал плечами шериф, неловко хватаясь за чайник и наливая себе чай.

– И вы ехали через весь город в дождь, чтобы просто показать эти снимки?

– Еще выпить чаю. – Он постарался пошутить, но я не могла избавиться от подозрений. Вампиры – существа долголетние, мудрые и хитрые. Они никогда ничего не делают просто так, особенно в Мунсайде. – То старые фотографии, а вот это – новые.

И он достал из куртки конверт свеженапечатанных карточек: такие же надписи, только вот сделаны кровью.

Я почувствовала желчь в горле и закрыла рот рукой, подмечая, что улыбка Оуэна стала шире, будто он был рад произведенному эффекту.

– Чья? – только и выдавила я.

– Ничего страшного. – Он сложил фотографии. – Домашние животные. Кошки, собаки.

Я расслабилась. Слава богам и демонам, что не человеческая. И правда, если приглядеться, то в кадре можно увидеть кошачьи лапы или другие части тела.

Но через секунду радость пропала. Домашние животные? Не те самые?

– Вот только эти животные, точнее, их останки, которые валяются вокруг...

Оуэн Кольт специально подавал информацию порциями, то ли наслаждаясь моей реакцией, то ли надеясь помучить.

– Это домашние животные пропавших без вести людей. Думаю, ты уже наслышана.

Я буквально вцепилась в кресло, пытаюсь держать себя в руках. Моя догадка подтвердилась. Это не банальное балов-

ство, а послание мне, болезненное и извращенное.

– Сначала пропадали животные. Но наш отдел списывал их на какую-нибудь лесную тварь.

– Может, эта лесная тварь и людей забирала?

– Исключено. У лесных тварей нет мозгов, чтобы прятать трупы.

– Но мы же знаем, что есть такие твари, которым и трупы прятать необязательно. Заглатывают, да и все.

Оуэн опять улыбнулся. Его улыбка не вызвала у меня никаких положительных эмоций.

– Асмодей не посвятил вас в дела Мунсайда?

Он уже знал, что если и посвятил, то не должным образом.

– Думаю, вам лучше это увидеть.

Оуэн чем-то напоминал моего брата: не только комплекцией, хотя он был в два раза крупнее, но и желанием мне насолить, хоть и по мелочи.

Мы молча встали (Голем проводил меня озадаченным взглядом черных пуговиц), вышли из дома и сели в машину. Я взяла зонтик, но дождь уже заканчивался.

– Ехать недолго.

Я сразу поняла, что путь лежит в заповедник, который был закрыт для простых смертных. К слову, человек не способен увидеть кого-либо из бестиария, если только ему не дано звание видящего или у него нет кинестетического контакта с кем-то из нечисти.

Открыв шлагбаум, охрана пропустила нас внутрь, и мы

проехали настолько далеко, насколько позволяла дорога. Лес всегда меня пугал, и неважно, обитали ли в нем кентавры или нет. Высокие многовековые сосны стояли тесно, света из-за непогоды было мало. Мне чудились странные движения и чьи-то взгляды. Существа низшего ранга обитали здесь и не желали видеть людей.

Оуэн остановил машину. Мы оказались на пригорке, где деревьев было поменьше. Я сразу угодила ногой в липкую мокрую грязь. Я ощутила холод леса, его замогильную свежесть и странный запах.

Сквозь корни деревьев пробивались цветы, блестящие и крошечные, с лепестками как из стекла. В детстве я видела всего один такой и порезала им палец по неосторожности. Но сейчас их было в разы больше. Они плотно жались друг к другу, пряча черную землю под разноцветным ковром.

– И это лишь цветочки. – Оуэн усмехнулся собственной шутке.

Их называют *mortem mediocris*, или «смерть феи». Умирая, феи становятся такими цветочками. Загвоздка в том, что фей нельзя убить насильственно. Они связаны с местом своего обитания, с магией, которая в нем хранится, и, когда она истощается, феи погибают. Я знала, что Мунсайд ослаб, но целый лес, покрытый цветами из мертвых фей, – это... чересчур, это начало конца.

Я бросила взгляд на Оуэна. Вампиры – одни из немногих, кого это мало волнует, их корм – не магия, а люди. Напро-

тив, эта ситуация им только на руку, так они могут успешно подвинуться в иерархии на фоне падения демонов и ведьм.

– Чего вы хотите? – сразу же спросила я, по лицу видя, что Оуэн только и ждал, когда я задам этот вопрос. – Зачем вы это показываете: фотографии, поляну, усыпанную мертвыми феями?

Оуэн выпрямился во весь свой впечатляющий рост.

– Дело об угрозах Лавстейнам сейчас у людской полиции, мы этим не занимаемся, как и пропажей людей. Несмотря на очевидную причастность нечисти, вампиры закрывают на это глаза.

– И вы готовы этим заняться? Взять ответственность на себя?

– Демоны что-то замышляют, а нас, как обычно, не позвали на вечеринку, – прицокнул Оуэн.

– Все-таки демоны, – разочарованно вздохнула я.

– Но я могу привлечь связи, заняться расследованием и узнать, чьи это угрозы.

– Какова цена?

– Привычная валюта. Двести миллилитров в неделю.

Я думала, он потребует больше.

– Твоей крови. Лично мне.

– Моей? – Я изогнула бровь. Звучало очень подозрительно. Я знала минимум полусотню ритуалов, основанных на чужой крови, не зря ее всегда так берегли в нашей семье.

– Дело в том, что я гурман.

– Конечно. Аристократия, древний род Лавстейнов... разве она для вас не ядовита?

– Кровь твоего отца была довольно съедобной, – хитро добавил он.

Я пыталась совладать с лицом, но Оуэн явно заметил мою нервозность. Ловкий манипулятор.

– В две недели.

– В неделю. Иначе проблем у тебя будет еще больше. Люди просто сложат два плюс два и поднимут тебя на вилы. Может, ты хочешь поговорить с родственниками пропавших без вести?

– Хорошо. Но ты пьешь ее при мне. Ни капли мимо. Никаких сосудов. Сразу в рот, или что там у вас...

Оуэн задумался, но кивнул.

– Хорошо, – он протянул мне руку, – договорились.

– Но при условии, что раз в неделю ты будешь представлять доказательство того, что вы действительно работаете. – Я не спешила соглашаться.

– Конечно. Честное вампирское слово. – Клыки у него так и блеснули. Я пожала Оуэну руку.

Стоило нам только сесть в машину, как снова начался дождь. В блеске фар цветы вспыхнули яркой гирляндой. Как красиво. Я одернула себя, напоминая, что это трупы живых существ, предсказывающие гибель всего города.

Я попросила Оуэна подбросить меня к дому Асмодея, и тот только усмехнулся. На всякий случай я сказала, что сего-

дня сбор Комитета, но не упомянула, что до него еще целых два часа. Конечно, мне следовало явиться в образе настоящей аристократки, транслируя свое превосходство, напомнить всем, из какой я семьи и насколько она важна. Но сейчас у меня не было настроения продумывать образ и лишний раз возвращаться в особняк. Чересчур много свалилось в одночасье, и мне необходимо было это сначала переварить и только потом принять решение. Одна лишь мысль об этом отзывалась тошнотой и головной болью.

Я дрожала от злости, оттого что Асмодей скрыл от меня поляну мертвых фей, надписи, пропавших людей, зато забросал отчетами о проведенных шабашах. Но ничего, время расплаты и истины настало.

III

Асмодей тяготел к Средневековью, это отражалось на его доме. Наш особняк хоть и был немного вычурным, но викторианский стиль смотрелся уместно, в отличие от белого особняка, будто вырванного из туристической части Рима.

Демоны не способны иметь детей или какие-либо родственные связи. У них есть понятие иерархии, система «начальник – подчиненный», но тем не менее они не брезгуют такими словами, как «брат» и «сестра». Например, у Асмодея и Самаэля настолько близкие отношения, что слово «братья» даже не режет уши. Есть в этом что-то трогатель-

ное, если забыть, кто они на самом деле.

Никто не помешал мне войти внутрь. Напротив, Асмодей будто ждал меня, замерев на винтовой мраморной лестнице. По его взгляду я поняла: он уже все знает и ко всему готов.

– Вы пришли рано. – Асмодей оглядел меня с головы до ног. Майка, рубашка нараспашку, джинсы и красные кеды в грязи. Так себе видок. Он остановил брезгливый взгляд на моих кедах, явно беспокоясь за ковер.

– Почему ты не сказал, что весь лес в дохлых феях? Асмодей аж скривился.

– Кави, кажется, не так вас воспитывал.

– О Кави поговорим позже.

Я прошла по ковру, ощущая, что Асмодею физически больно видеть, как я пачкаю его дом.

– Итак, мертвые феи. Асмодей, ваши оправдания. По-моему, об этом стоило сказать в первую очередь, а не швырять на стол статистику о росте волшебных грибов.

– О феях вы рано или поздно узнали бы, а вот статистика...

– На хрен статистику! – я повысила голос.

Тихое шарканье прервало нас. Самаэль, явно потревоженный шумом, вышел в холл. Он оглядел нас бесстрастным, даже сумасшедшим взглядом. Я никогда не видела его прежде. Двухметровый альбинос с длинными и худощавыми руками и ногами. Он одновременно сочетал в себе и красоту, и какое-то неясное, едва уловимое уродство. Не зря он был ан-

гелом смерти, олицетворением людских пороков.

Самаэль встал позади брата, наклонив голову так, что на шее выступили прожилки. Он был похож на тень, явно намекая, что следующий такой эмоциональный всплеск может закончиться для меня плохо.

– Простите, – на выдохе произнесла я, всеми силами сдерживая нарастающую злость. – Я думала, мы в одном ковчеге, Асмодей, и оба хотим благополучия Мунсайда.

– Мы не в одном ковчеге, – сказал он так, будто я произнесла невероятную детскую глупость. – Но мы и правда желаем благополучия Мунсайду.

– Так почему вы мне не сказали, – Самаэль не сводил с меня взгляда, даже не моргал, ресницы у него были белоснежными, – что все настолько плохо? Что феи умирают?

– Мисс Лавстейн, с этим мы ничего не можем поделать. Единственное, что нам остается, – это ждать вашего совершеннолетия и объединения с ифритом.

– Но этого может не произойти.

– Кольт уже пожаловался вам на надписи? – сквозь смехок произнес Асмодей, и я почувствовала себя невероятно глупо.

– Надписи были сделаны кровью домашних животных пропавших людей.

– Мисс Лавстейн, будьте благоразумны и вспомните, кто работает в полиции и у кого есть доступ к крови.

Я распахнула рот, но выругаться не успела. Тень Самаэля

будто увеличилась в размерах, раскрылась черными крыльями, но стоило мне моргнуть, как все исчезло.

Неужели вампиры просто решили надуть меня? И все подстроено? Как я могла на это купиться?

– Так что вместо обвинений лучше поделитесь своими предложениями по улучшению Мунсайда. Поверьте, бояться вам нечего. Любой из Комитета готов пожертвовать собой ради вашей неприкосновенности и сохранности города.

Я с сомнением взглянула на Асмодея. Мунсайд – единственное место, где возможно его существование, так что эти слова имеют вес. Но могу ли я действительно им верить?

– Лилит, – позвал он, и Самаэль отошел в сторону совершенно бесшумно, – ты не могла бы помочь мисс Лавстейн подготовиться к собранию Комитета?

Кави

Он ненавидел твердость этого мира, его грубость и статичность. Даже не ненавидел, а завидовал этому и не понимал. Его сознание было разбито и затуманено, превратилось в какие-то комья бесполезного мусора. Яркие вспышки картинок и звуков, словно поднятых с глубокого дна. Неизвестно, происходили ли они с ним на самом деле или он их только выдумал. Не было смысла копаться в прошлом, потому что его просто нет. Только смутные образы и чужие разговоры. Да и нужен ли был ему этот балласт? Он уже свыкся со своей

бесполезной жизнью, ощущал себя атрибутом этого города, его порождением и любимым ребенком. Кто он? Сборище мифов и страшилок, которое все пытались забыть, отвести от него взгляд, как от бездомного с протянутой рукой. Ему повезло, что он это понял, смирился и перестал функционировать, изредка пытаясь уйти в себя и хоть что-нибудь осознать. Но безрезультатно.

Что он знал? Сирота. Работал в приемной кого-то. Сорвался. Сделал что-то. Отправили к психиатру. Мечтал о забвении. Если что-то и чувствовал, то искусственно, стимулируя химией. Единственное, что он ощущал, – это потеря. И то, что город затягивал его в черное, непроницаемое болото, а иногда на поверхности появлялись щупальца и душили его.

Он сделал еще один глоток, какая-то мелодия звенела в голове, вынуждая что-то промычать, какую-то детскую песенку: то ли считалочку, то ли колыбельную.

Парень, шедший мимо, остановился и прислушался. Кави было все равно, язык кололо от слов, которые он никак не мог вспомнить.

– Человек идет по лесенке вверх. Свергнуть задумал он всех, – мычал он.

Парнишка остановился как вкопанный и уставился на него.

– Что? – Он сделал еще один глоток. Асфальт под ним мокрый, холодный и склизкий.

– Что вы пропели? – Парень взволнованно посмотрел на Кави. – Человечек идет по лесенке вверх. Свергнуть задумал он всех. Встретился ему сторожевой пес, но оказался на вид он не так прост... Это старая-старая, давно забытая песенка.

Парень вытащил руки из карманов и от волнения махал руками.

– Откуда ты ее знаешь? – Кави пару раз медленно моргнул, стараясь понять, есть ли худощавый парнишка на самом деле или ему привиделось.

– Я... собираю фольклор, – замялся тот. – Знаю только первые строчки. Вы знаете ее целиком?

Парень без боязни присел рядом, но на достаточном расстоянии. Кави снова выпил, ощущая, что внутри что-то просыпается.

– Спихнул он пса по лестнице вниз, – забормотал он. – Там... дальше была мышь. Мышь и что-то про кровь.

IV

– Спихнул он пса по лестнице вниз, – едва слышно напевала я. – На следующей ступени человек встретил мышь. Не укусила она его в шею, а потому победить не сумела. Мышь лекарем стала, собаке она иногда помогала.

Лилит, рыжеволосая демонесса грубой, едва ли непорочной красоты, усмехнулась мне. Эту песенку она знала, но, кажется, не сочла ее оскорбительной.

– Человечек идет на другую ступень. Попал он в воспоминания плен. Ждали его там брат и жена. Но каждый из них был мертв и мертва. Подумал уж, что сошел он с ума, но на следующей ступени оказалась нога.

– Я помню ее, – произнесла Лилит, снимая с вешалки очередное платье. Фигурой мы сильно отличались. Я была худая и нескладная, а у Лилит имелись округлости в нужных местах. – Твои предки часто ее напевали, поднимаясь по лестнице в башню, а Асмодея это так бесило.

– Я думала... Кави специально ее для меня придумал, чтобы я запомнила иерархию.

Лилит усмехнулась.

– Это не он, а кто-то из Лавстейнов. Был у вас в роду один поэт. Подробностей не знаю. Как там дальше было? Что-то про лес.

– Оказался человечек в лесной чаще и сразу же отправился дальше. Его пропустил остроухий лесник. Лесник драться совсем не привык. Поднялся, попал на маскарад, но никто ему не был там рад. Всякий умник его уделать хотел, но каждый из них на ступень ниже слетел.

– Набросилось нечто на человека. Боролось оно жестоко и слепо.

– Нет, не так. Вступило нечто в бой с моим человеком. Долго он бился, и тут я пришел. Победил, и нечто стало павшей звездой. Не знал еще мой человек, что буду я злее их всех. Забрался мой человек по лестнице вверх.

Лилит цокнула, помогая застегнуть платье.

– Нет, видимо, это уже версия Кави. Не было никакого «моего человека».

От этой маленькой детали у меня потеплело на душе.

– Я его встретил, но обманул. Навеки остался передо мной он в долгу. И создали город мы под луной, оказавшись друг для друга слугой, – закончила Лилит. – Чудная песенка. Так в мозги въедается.

– Кави еще напевал: «Мой человечек, не бойся и спи. Сон твой спокойный охраняет ифрит». – Я взглянула на Лилит через зеркало, ожидая ее реакции. То ли из женской солидарности, то ли действительно она была не такой уж плохой, но Лилит грустно улыбнулась. Я знала, что она никогда не выходила из дома, а такое наказание могло быть у демонов за очень тяжкие преступления.

Лилит, та самая Лилит, непокорная первая жена Адама, изгнанная в ад. По легендам, она прамасть всей нечисти. Я прежде никогда ее не видела, лишь на древних изображениях, но в жизни она оказалась в стократ прекрасней.

– Знаешь, на старости лет в демонах играет человечность, – задумчиво произнесла она.

Я всегда убеждала себя, что Кави так нянчился с каждым потомком, хотя все твердили обратное. Я помнила какие-то язвительные комментарии от верховных демонов в его адрес, но никогда не придавала им значения. Два поколения семьи отказались от Кави, видно, это задело его, и он решил отыг-

раться на мне. Но что говорить, я слепо верила, что наши отношения были особенными.

Эта песенка была одной из первых в моем детстве. Простая, отлично запоминалась, а главное – объясняла, кто за кем стоит и чем занимается. Сторожевой пес – оборотень. Охрана магических мест, например заповедника. Мышь – вампир-врачеватель. Затем призраки и зомби, хранители традиций и памяти. Остроухий лесник – эльф, представитель интересов гномов, фей и прочих. Маскарад из умников – шабаш колдунов и ведьм. Их обязанность – поддержание Мунсайда своей энергией. Да, песня была актуальна и до сих пор: маги никогда нас не любили. Нечто, ставшее павшей звездой, – это демон.

– Пора идти, – окликнула меня Лилит, стоя в дверях. На Комитет ее никто не пустит, но проводить сможет. – Нервничаешь? – в ее словах вечно звучала какая-то подколка, а вовсе не сочувствие.

– Ни капли. – Вот только руки у меня тряслись.

Я одергивала платье, чувствуя себя неловко и нелепо. В чем смысл этого маскарада? Зачем эта мишура и трата времени? По сути, у демонов остались лишь традиции и какие-то странные ритуалы, которые возвращали их во времена, когда они правили всем. Но это были только мои домыслы.

Я зашла в старую круглую комнату со стенами из крупного камня, где горели средневековые факелы и стоял такой

же круглый каменный стол. Помещение тонуло в полумраке, на месте были лишь Асмодей и Суббота. В этот раз представлять касту мертвецов досталось девушке, которая словно только что вернулась с мексиканского праздника День мертвых. Ее лицо было раскрашено краской, на голове – венки, пестрое платье, а из руки торчала кость. Что ж, в этом году главой касты стал зомби, а не призрак. Барон Суббота, новоорлеанский повелитель мертвых, предпочитал вселяться в зомби и играть ими как марионетками.

Я встала на свое место, стульев здесь не было. На полу был выбит ромб с месяцем внутри. Месяц одновременно означал мусульманство, то есть природу ифритов, и неполноценность человека, а ромб – такую защиту. Под ногами Асмодея – падающая звезда. Зомби – череп, символ смерти. Вампиры – буква W и два треугольника сверху. Якобы крылья летучей мыши и клыки, но мне ли было не знать, что вампиры никогда не имели ничего общего с этими животными. Дерево – эльфы. Вот с магическим народом было много споров. У ведьм, шаманов и колдунов представления о символе разные, но в итоге они согласились на треугольник, внутри которого находился квадрат, а внутри квадрата – круг. Это означало, с одной стороны, объединение магических каст, с другой – алхимию. Обратили выбрали круг с галочкой посередине. Галочка символизировала когти или хвост. Все довольно лаконично и просто, намного лучше сложных пентаграмм и геральдик.

Стоит ли говорить, что изображение воздушного змея было в два раза больше остальных. В двух словах: это было место для двоих, но все привыкли, что оно пусто. В этот раз отсутствовал демон, а не человек.

В комнату стремительно вошел еще один член Комитета. Сначала я подумала, что это парень, но когда свет упал с другой стороны, поняла, что это девушка с короткой стрижкой в мужском костюме. На костяшках пальцев я заметила татуировку в виде галочки, и встала она на знак оборотней. Выглядела девушка совсем молодо, но как-то по-мальчишески озлобленно. Никто не поприветствовал ее ни словом, ни жестом. Видимо, таков этикет.

Кто у нас дальше? Ага, вампир. Звали его Бальд, и он был сборищем вампирских клише. Аристократичный бледный юнец со взглядом старика и выражением вечной усталости. Для полного образа ему не хватало длинных волос и фрака. Выглядел он так, словно ему все надоело и он хотел поскорее уйти из этого места.

А кто же представитель касты магов? Шаман, ведьма, колдун? О-о-о, классика. Стервозная ведьма средних лет, но, слава богам, не из рода Вестфилдов. Она вошла в кабинет словно на деловую встречу, где будут обсуждать слияние компаний или выплату страховки служащим.

– Привет, Асмодей. – Она расцеловала его в обе щеки, и все простили ей такую дерзость. – Ленор. – Она кивнула зомби.

Ее правда звали Ленор или это шутка такая?

– Дин, добрый вечер. – Оборотень лишь подняла бровь.

– Бальд, милый, здравствуй. – Тонкие губы Бальда исказились в улыбке, он наклонился к ведьме за поцелуем. – О, и мисс Лавстейн здесь. – Она бросила на меня заинтересованный взгляд. – Ивейн, так ведь?

– Так. А вы? – я протянула ей руку.

– Кармина Далия. Удивлена вашему присутствию.

Даже имя вычурное.

– Я – тоже, – мрачно ответила я, еще раз одернув платье.

Что ж, осталось дожидаться «остроухого лесника», самого загадочного из всех.

Эльфы – наиболее малочисленный народец. В их социум невозможно проникнуть никаким образом, как и в социум демонов, единственный способ – это родиться таким. Поэтому они и на вершине лестницы. Присоединиться к вампирам, оборотням, а уж тем более к мертвецам – дело случайное, но ведьмы, эльфы и демоны – ими нужно родиться. Кстати, Лавстейном – тоже.

Сложность общения с эльфами была в том, что они жили обособленно и никогда не контактировали с людьми. Мы даже точно не знали, сколько их.

Представитель эльфов зашел величественно, не спеша. Все они были убеждены, что мы – лишь гости в их лесу, не более. Нет, у него не было светлых длинных волос или лука за спиной, он не ходил в зеленом балахоне. Рыжие,

неестественного для человека цвета волосы, убранные в короткий хвост, прикрывающий чуть острые уши, идеальная кожа, женственное лицо, но с мужественным подбородком. Тонок в талии, статен – все как полагается. Своеобразный принц из детских сказок. Второй после демонов. Вот только эльфы, в отличие от тех же демонов, слишком горды, чтобы знаться с людьми, даже с такими, как я. Они не враждебны к человечеству, нет, просто относятся к нему как к мусору.

– Созыв Комитета объявляю открытым, – произнес Ас-модей, переводя на меня взгляд. Кажется, эту фразу должна была произносить я, но правилам меня никто не учил, да и книжек на эту тему никто не писал. По плану, с наступлением моего совершеннолетия мы должны были явиться сюда с Кави, но все сложилось иначе. – В порядке иерархии мы будем обсуждать вопросы и принимать решения. Чтобы принять решение, нужно положить руку на свой символ. Правая – «за», левая – «против».

– Э-э-э, хорошо, – только и выдавила я, ощущая, как всеобщее раздражение Комитета ко мне начинает нарастать.

– Ладно, – начала оборотень, – я знаю, как вас это достало, но моих это достало еще больше. Да, коллеги, я про зоопарк в полнолуние.

Полнолуние и зоопарк? Что? Судя по лицам остальных, тема избитая.

– Я не могу позволить диким животным крушить мой лес, – сказал эльф.

– Но лес и создан для диких животных! – возмутилась Дин.

– Вы слишком агрессивны!

Ох сколько снобизма.

– А Вендиго не агрессивен.

– Он порождение леса.

– А мы, черт подери, кто? Волки, Тиам. Мы – волки, и бегать по клетке в пустом зоопарке...

– Может, обсудим что-нибудь другое? – зевнула Кармина. – И так понятно, Дин, что раз в месяц вам придется потесниться.

– В это полнолуние, когда инстинкты рвутся из нас бешеным фонтаном, мы не можем бегать по клетке, как комнатные собачки. Мы и так работаем на эльфов, охраняем лес...

– Но не в полнолуние, – вставил свое слово Асмодей. – Это отпугивает мелких тварей.

– Не называй их тварями, – едва ли не прошипел Тиам.

Не прошло и пяти минут, а мне уже захотелось спрятаться где-нибудь в уголке и просто закрыть уши руками. И это Комитет?

– Несколько сотен оборотней в лесу, рядом с людьми, – спокойно сказал Бальд. – Это небезопасно.

– Так пусть твоя хваленая полиция и обеспечит безопасность!

– Мы занимаемся реальными угрозами, а не обеспечиваем охрану, как в каком-нибудь... супермаркете!

– Ты слышишь, что несешь? Полиция и нужна, чтобы обеспечивать безопасность, кровосос!

– Дин, попрошу не выражаться, – поправил Асмодей.

– А что Лавстейн нам скажет? – Дин отбросила челку со лба. – Разве ты не должна решать все наши проблемы? Давай, придумай что-нибудь.

И это лучшие из лучших? Сборище каких-то параноиков. Единственная нормальная здесь – это зомби, которая не сказала ни слова. Они действительно думают, что я могу придумать решение? Смотрят так выжидающе, хотя на самом деле знают, что я провалюсь. Мне даже восемнадцати нет. Я не могу задачу по физике самостоятельно решить, а тут надо понять, куда оборотней запикивать в полнолуние.

– А если мы, э-э-э, составим списки?

– Списки? – фыркнула Дин.

– Да. Будем выпускать по десятку оборотней в лес, затем следующий... Полиция же с этим справится? Или маги?

– Мы не будем таким заниматься! – возмутилась Кармина.

– Ну вы, может, и нет. Но вашего племени достаточно, за хорошую сумму кто-нибудь согласится. Никто, что ли, не может удержать десятку оборотней в случае чего?

– Проблема в том, – эльф даже не посмотрел на меня, – что в полнолуние они особенно голодны и агрессивны.

– Сожрут, что ли, всех единорогов? – я попыталась пошутить, но никто не поддержал. – Мы же можем провести эксперимент. Особого вреда не будет, а если будет – то клетка,

зоопарк или что там.

Что у меня с речью? Я же могу нормально изъясняться, а не разговаривать как деревенщина. Как хорошо, что этого позора не видит Кави. Зато я предложила хоть что-то, между прочим, вполне разумное. Да, даже эльф призадумался.

– Голосуем, – объявил Асмодей, кладя руку на символ.

Мне потребовалось много усилий, чтобы вспомнить, где право, и не запутаться. Не хватало еще из-за такой мелкой ошибки провалиться.

– Четыре – «за», три – «против», – объявил Асмодей. – Решено. В ближайшее полнолуние выпускаем десять оборотней в лес.

– Есть! – крикнула Дин.

Интересно, кто еще проголосовал «за» кроме меня и оборотня: зомби, ведьма, кровосос или Асмодей?

– Следующее на повестке дня, – начал Бальд, – высокий уровень холестерина в крови.

– Это человеческая проблема, – отмахнулась Кармина. – Знаешь, как говорят, Бальд, ешь то, что дают.

Бальд закатил глаза.

Серьезно? Холестерин? Люди пропадают, феи гибнут, верховный демон шастает неизвестно где, мне угрожают, а мы обсуждаем уровень холестерина?

– А есть действительно серьезные проблемы? – поинтересовалась я. – Ну, знаете, пропажа людей, магия иссякает и тому подобное...

– Мы уже говорили об этом. – Асмодей мягко намекнул, чтобы я заткнулась. – Нам ничего не остается, кроме как дождаться вашего совершеннолетия.

– Но оно может не наступить. Меня выкрали, помните? Разве ситуация не близка к катастрофе? Еще одно поколение мимо, и нет Мунсайда.

– Не утрируй, – фыркнула Кармина. – Я ежедневно проверяю уровень магии. Да, старые районы, как заповедник, отмирают, но магия эволюционирует, она меняет форму.

– Это не доказано, – заметил Тиам. – Лишь прогнозы и пустые разговоры.

– Дорогой, как бы я ни уважала ваш древнейший род, но консерватизм вас погубит. Стоит начать доверять современности.

– А нам стоит заняться действительно важными проблемами. – Я почувствовала прилив смелости.

– К примеру, локация следующего шабаша не будет проходить на территории леса, где стоят тотемы древним богам, – спокойно сказал Тиам. Понятия не имею, что это значит, но ведьма так и открыла рот от удивления.

– Как ты можешь?!

Кармина ругалась громко, а Тиаму как с гуся вода. Стоял и рассматривал свои ногти. Масло в огонь добавили Дин и Бальд. Асмодей пытался их уговорить. Зомби стояла не шевелясь и молчала. Просто посмешище. Неужели Кави тратил на это время, пытаясь усмирить старых и могущественных

детей, которые всеми силами пытались доказать свое превосходство? Я ожидала совершенно другого: тайного совещания, обсуждения чего-то действительно важного.

Ссора разгоралась. Кажется, участники получали от этого удовольствие, забавляясь своей властью. Самое грустное – что найти им замену было невозможно.

Что ж, они собирались здесь каждый месяц на протяжении нескольких веков, и подобное времяпрепровождение казалось им интересным. Мунсайд застыл, и все это знали. Рас-
тормозить его могли только Кави и его адепт. Остальные заигрались в богов. Заткнуть их никак не получалось. Я просто переводила взгляд то на одного, то на другого. Неожиданно мой телефон зазвонил, все замолкли и уставились на меня как на главного врага человечества.

– Простите.

Номер был незнакомый. Да и моя телефонная книга никогда не могла похвастаться обилием имен. Нутром чуя что-то серьезное, я отвернулась и ответила на звонок.

– У меня тут дела, можно покороче, – вместо приветствия сказала я.

– Ивейн, это Томас. У тебя проблемы. У меня было видение.

3. Не лезь в мой лес

Дорогой Кави.

Когда я была маленькой, Мунсайд был таким же? Ничтожный, жуткий, алчный и жестокий? Особенно мне хочется сбежать из школы. Не знаю куда. Я не скучаю ни по Канаде, ни по скитаниям, ни по интернату. Кажется, будто всего этого и не было. Словно это странный сон, один из тех, что я рассказывала тебе утром за завтраком.

Я чувствую, как Мунсайд заражает меня, как я становлюсь его неотъемлемой частью.

Вспоминаю наши пикники в заповеднике. Там Мунсайд действительно похож на сказку. Помнишь стадо кентавров, на которое мы случайно наткнулись, как ты держал меня за руку и не позволял к ним подходить? Один из них тогда склонился в поклоне, заметив меня. Ты удивился, рассмеялся и сказал, что из меня выйдет лучшая королева Мунсайда.

Сильно в этом сомневаюсь.

Твоя Ивейн

Уоррен

Лес – место обособленное, независимое от города. Пусть Мунсайд и не ставит границы между человеком и нечистью:

почти каждое заведение готово встретить и того, и другого. Но лес останется неприступным для людей. Во-первых, его устрашающий, мрачный вид отпугивает даже лесорубов. Во-вторых, его неприступность и защищенность поддерживаются вервольфами, магами и, главное, эльфами. Это их земля, их королевство, попасть внутрь возможно, а вот выбраться – уже навряд ли.

Вот только Уоррен этого не знал.

Зато он прекрасно знал множество легенд, берущих свои истоки из Средневековья. Огромное количество тварей, которые лакомятся людьми или заманивают их в самую глубь своего зеленого государства. Страшилки, детские байки, созданные с целью убересть чадо от опасностей, но Уоррен нутром чуял, что секрет Мунсайда именно в заповеднике.

Туда можно было попасть только с пропуском, а если попытаться подойти к лесу не со стороны шлагбаума, тебя таинственным образом находил лесничий и грубо и настойчиво выпроваживал, еще и штраф выписывал. Пару раз Уоррен уже сталкивался с ним, и никакие уговоры и взятки не могли помочь. В итоге он получал лишь наказание от отца за свое любопытство.

Уоррен читал ту детскую песенку снова и снова. Пусть текст был размыт, да и доверять местному городскому сумасшедшему глупо, но он торжествовал. У него было, как ему казалось, что-то судьбоносное.

Что за ступени? Кто такой сторожевой пес? Мышь-вра-

чеватель? Все было неясно. Но в песне говорилось про лес и некоего острого лесника, с этим еще возможно разобраться. У него были уже две ниточки, чтобы продолжить свое исследование. Первая – Лавстейн, вторая – заповедник. А это уже кое-что.

* * *

Вернувшись в школу в понедельник, Селена заметила его усталый и потрепанный вид. Он отмахнулся, сказав, что всю ночь играл в видеоигру, на что девушка недоверчиво прищурилась.

Неожиданностью утра понедельника стали Ивейн и Томас, шептавшиеся на пороге с очень важным видом. Стоило Уоррену приблизиться, как они уставились на него, а затем разошлись, как будто ничего и не было. Томас вел себя странно, стал подозрительно настойчиво зазывать то в кино, то в кафе.

Варрон Вестфилд всегда относился к Уоррену натянуто-дружелюбно. Пусть Варрон не отличался мускулатурой и даже был худее Уоррена, остальные его побаивались. Из-за семьи, приписывающей себе образ аристократов, и из-за его безбашенности. Уоррен знал, что причина их недодружбы – это Селена, и Варрон принимал его в свой элитный круг только из-за девушки. Снова проскользнул слух о вечеринке в коттедже Вестфилдов, который подхватила Селена и всю

половину дня только об этом и говорила.

Во время обеда к нему подошла Лавстейн и, заметно превозмогая саму себя, попросила помочь ей с физикой. Будто его все старались чем-то занять и не дать ни минуты свободного времени, а ведь у него были планы, грандиозные планы.

Ивейн

– Какая-то команда «Спасите Уоррена», – фыркнул Каспий, примостившись у моего шкафчика.

Я разочарованно заглянула внутрь. Позавчера кто-то из магичек Вестфилда запихнул туда с десятков лягушек, на радость всей академии. Не поленились же! Что сегодня? Отлично, все в пене для бритья.

Каспий присвистнул, оглядев, что они устроили на этот раз.

– Будь у меня магия, я придумал бы что-нибудь пооригинальнее, – прокомментировал он, пока я безрезультатно пыталась спасти домашку по испанскому. Тетрадь вся размокла, чернила потекли. – Спрятал бы туда призрака какого-нибудь, наколдовал запах потных носков.

– Как мне повезло, что ты всего лишь демон, – саркастично отозвалась я, неся все к урне.

Голова болела знатно, а все потому, что выспаться не удалось. Полночи делала домашнее задание, вернее, пыталась сделать, потом маялась от бессонницы до самого утра, пере-

живая за туманное видение Томаса. Он так и не сказал толком, что именно увидел, только несколько раз повторил, что, если в течение недели мы потеряем Уоррена из вида, последствия будут страшные, смертельные.

Беспокоил еще Комитет. Их очень разозлил тот факт, что я во время встречи стала разговаривать по телефону и ушла до окончания собрания. Не знаю, может, под конец происходит что-то действительно важное: фуршет, к примеру.

Я выкинула половину тетрадей в мусорное ведро. Телефон пиликнул. Я уставилась в свой доисторический мобильник, который с трудом ловил интернет. Каспий – в свой смартфон, тоже не первой свежести.

– Вас пригласили в чат. – Он усмехнулся.

– Как и меня. – Я проверила участников. – Томас Хиллс, Селена Хиллс, Вестфилд?

Каспий закатил глаза до невозможности и наигранно-возмущенно вздохнул.

– Я тут каким боком? Уоррен – просто человек.

– Давай не будем про эти клише. – Мы с Каспием двинулись в сторону кабинета испанского, где у нас был совместный урок. Вел его, кстати говоря, пожилой, давно уже мертвый иммигрант. Вот где можно было отоспаться вдоволь. – Житель Мунсайда. Человек – не человек, неважно.

– Утопично, – заметил Каспий. – Может, ты еще скажешь, что у мужчин и женщин равные права?

Я надеялась, что это была шутка.

– Может, Вестфилд хоть на эту неделю отстанет от меня...

Варрон, легок на помине, прошагал рядом и посмотрел на меня своим ядовитым взглядом. Кажется, мои надежды были напрасны.

– Ты собираешься меня защищать? – в шутку спросила я Каспия. – Или только со шкафчиками бороться горазд?

Каспий явно меня не слушал, уставившись на кого-то у противоположной стены. Я посмотрела туда же. Девушка (я сидела позади нее на спецкурсе по основам демонкратии) как-то недобро взглянула на Каспия, приподняв одну бровь. Кудрявая красотка с темной идеальной кожей, обожающая строгие пиджаки ярких цветов и громоздкие кожаные сумки. Еще в классе я уловила от нее настойчивый запах сырости, рома и крови. Очевидно: магия вуду.

Они все продолжали переглядываться. Становилось неловко. Девушка кивнула в сторону коридора и ушла.

– Если кто и может помочь разобраться с Вестфилдом, то это Хейзер Ле Бо, – вполне серьезно произнес Каспий и последовал за ней.

Надо же, среди членов команды корабля, который в 1609-м приплыл в Мунсайд, был Ле Бо. Как его звали на самом деле, никто не знал. Гаитянский раб успел увидеть Мунсайд, прожить в нем неделю и умереть.

А еще он успел поставить первую могилу по гаитянским традициям Барону Субботе. Так что покровитель мертвых был вторым после Кави, кого породил Мунсайд.

Вроде как потомки Ле Бо прибыли из Гаити в Мун-сайд еще в конце семнадцатого столетия, и, по их утверждению, сам Барон Суббота показал им путь. Не знаю, правда это или нет, но Ле Бо – одна из древнейших и сильнейших фамилий в городе.

Телефон снова пиликнул: «Каспий Брутто изменил название чата на “Спасите Уоррена”». Очень смешно. Неизвестно, по каким делам он зависал с кем-то из вуду, но ждать его здесь было глупо. Пришлось идти на испанский одной.

– Ивейн!

Только не Сара.

– Привет! – Девушка возникла прямо перед моим носом, но без своей дурацкой улыбки во весь рот. Напротив, она выглядела очень нервно. – Ивейн, ты тут новенькая и...

– Я уже выучила дорогу к кабинетам.

– Нет-нет, – замотала она головой, – я хотела тебя предупредить: лучше не связывайся с Брутто.

– Э-э-э, ладно, – пожала плечами я и двинулась дальше.

Когда ты единственный в школе инкуб, понятное дело, что слава идет впереди тебя. Я краем уха слышала сплетни в женском туалете, что красавчик Каспий связался с какой-то гномихой, которая никогда не снимает капюшон. Ложных иллюзий по отношению к себе я не испытываю, знаю, что особой привлекательностью не славлюсь, поэтому могу только догадываться, как неуместно мы смотримся с Каспием вместе.

Мы постоянно зависаем вдвоем. Не знаю уж, как и почему это вышло, но с Каспием мне было легко. Он смешной, не истеричный, не говорит постоянно, что я должна делать. Из минусов – его поклонницы, которые явно меня недолюбливают. Ладно, в конце концов, я пришла сюда не подружек искать.

Телефон пиликнул. Новое сообщение от Томаса:

«Ивейн, можешь завтра провести время с Уорреном?»

Я стала печатать ответ, заходя в класс:

«Мне ему вечеринку с ночевкой устроить или запереть у себя в чулане?»

– Привет, Ивейн! – жизнерадостно воскликнул Уоррен, когда я плюхнулась за парту. Томас бросил на меня недовольный взгляд.

Снова сообщение: «Это вопрос жизни и смерти».

Как же меня это бесило.

«Привет, Уоррен. Тебе не сложно завтра помочь мне с физикой?»

Я видела, как Уоррен вздрогнул, когда ему пришло сообщение. Он что-то шепнул Томасу, повернулся с наиглупейшей улыбкой и показал большой палец. Что за идиот.

«Конечно, Ивейн!» – последовал мне ответ вместе с тонной разнообразных эмодзи.

Каспий зашел на вторую половину урока, будто так и положено. Учитель даже не отреагировал, как и пристало зомби. Я как раз читала про них главу для спецкурса на завтра.

«Наперекор расхожим стереотипам зомби умеют мыслить, но лишены развития. Они ведут себя соответственно своей обыденной манере, все их действия автономны. В большинстве случаев зомби продолжают работать там, где работали при жизни, не замечая изменений во времени или в окружении. Осознанность среди зомби – редкая аномалия, обусловленная выбором самого Барона Субботы».

Сообщение от Каспия меня отвлекло:

«Прогуляемся?»

После уроков мы медленно двинулись в сторону набережной, не желая идти домой. Каспий ничего не рассказывал о своей сестре, но я почему-то была уверена, что он тоже предпочитает скитаться до самого вечера. Интересно, ждал ли его там кто-то? Меня вот Вольфганг совсем не ждал.

Мы уже подходили к старому парку аттракционов, как дорогу нам резко преградил здоровый красный джип. Тонированное стекло опустилось, и я увидела Дин в солнцезащитных очках. Она мне фальшиво улыбнулась.

– Привет, босс, есть разговор.

Мы с Каспием разочарованно выдохнули. Снова магические дела. Ну хотя бы один день можно от них отдохнуть?

– О! Инкуб? Интересно. Подождите секунду, я припаркую машину.

Нам стало понятно, что Дин хотела пойти с нами. Я была совсем не против, тем более что на собрании Комитета она показалась мне пусть и агрессивной, но зато живой. Каспий

успел только бросить вопросительный взгляд, как Дин вернулась.

– Я обязана тебе, Лавстейн. Не знаю, что тут сыграло роль: то ли старые традиции, то ли твой дар убеждения. – Она встала перед нами, спрятав руки в карманы брюк. – Обратни тебе обязаны.

Я даже чувствовала, как Каспий едва сдерживается от саркастичного комментария.

– Все зависит от того, как вы себя поведете. Сильно не обольщайтесь.

– Да, после первой луны будет ясно, но все равно я тебе должна. – Дин внимательно посмотрела мне в глаза. Казалось, она намекает на что-то. Похоже, Каспий понял. – А пока небольшой подарок. – Дин вытащила из кармана небольшой мешочек, в котором обычно дарят украшения.

Каспий сначала удивился, потом прыснул от смеха.

– С тебя я не буду брать деньги: босс как-никак. – Она кинула мне мешочек, отсалютовала и села в машину. Я озадаченно глядела вслед.

– Дай-ка сюда. – Каспий быстро выдернул подарок у меня из рук, как только машина исчезла, приоткрыл и рассмеялся. – Ну ничего себе!

– Что это? – Я заглянула внутрь. Там были то ли угольки, то ли деревяшки.

– Это кора.

– Очень щедро со стороны Дин.

– Не просто кора, а кора из заповедников. Волшебные, священные деревья, Ив. Перечитай «Демонкратию», там сказано, что бывает с теми, кто трогает священные деревья эльфов.

Я знала кое-что о священных деревьях эльфов. Ну, больше из человеческих легенд: мировое дерево Игдрассиль – это частый символ какой-то магической мудрости, особенно в кельтских верованиях, откуда эльфы и взялись, но я не думала, что оно может быть чем-то важным в Мунсайде.

– Зачем мне кора священного дерева?

– Затем, – Каспий загадочно улыбнулся, вложив мешочек мне в руку, – что у волшебной коры есть волшебный эффект. Мне как-то досталось немного корней Игдрассиля на работе Кристи. Потом неделю пытался вспомнить, что было. А вдруг Дин сможет достать и корни...

Каспий казался довольным. Я же была в замешательстве. Зачем мне дарить такое?

– Теперь понятно, почему эльфы ненавидят оборотней, – сквозь смех произнес Каспий.

– Почему?

– Потому что они их обкрадывают, Ив. Собирают кору в лесу и продают. Понимаешь, звериный нюх и все такое.

Я совсем запуталась. Оборотни воровали у эльфов, чтобы незаконно торговать? Зачем?

– Ладно. – Каспий, кажется, понял, что разьяснять мне что-либо бесполезно. – Пора нам отправиться на другую сто-

рону Луны.

– Каламбур я оценила, вот только не говори, что сейчас хочешь это использовать.

– Нет-нет, такое надо приберечь. Тем более что ты не представляешь, какой от них эффект. – Каспий закинул мешочек в мой рюкзак, ни капли не стесняясь. – Я говорю о том, что ты должна увидеть темную сторону Мунсайда.

– Ну, я как бы ее видела. Каспий покачал головой.

– Думаю, нам понадобится магическая помощь. Лучше, чтобы тебя никто не видел.

– Не видел где?

Каспий ничего не ответил. Дальше последовали какие-то странные звонки и разговоры. Мы сели у Зу, хотя теперь это место наводило на меня тоску, не только атмосферой надвигающегося банкротства, но и, конечно, встречей с Кави. Его взгляд отпечатался у меня в мозгу и всплывал в любое подходящее и неподходящее время. Все это время Каспий с кем-то договаривался по телефону и агрессивно строчил эсэмэски, а я продолжала озираться на дверь, ожидая увидеть *его*.

– Кажется, я договорился, – сказал Каспий, когда его нетронутый кофе (отвратительно горький на вкус) окончательно остыл.

– Договорился о чем? – Это начинало меня подбешивать, а еще – периодические сообщения от Томаса с вопросами, где Уоррен и когда я могу за ним проследить.

– О заклинании. Морок – одно из самых заурядных заклин-

наний, не думаю, что Хейзер и с ним накосячит.

Морок – что-то вроде невидимки. Точнее, он отводит внимание, и выделить тебя среди других людей или нелюдей практически невозможно.

– Зачем нам морок?

– Мы идем в «Гекату».

– Что это?

– Это самое худшее, что есть в Мунсайде, – с дьявольской улыбкой произнес Каспий, едва сдерживаясь, чтобы зловеще не засмеяться.

– Звучит, э-э-э, интересно!

– Нам нужно тебя приодеть и что-то сделать с твоим запахом, а то он тебя сразу выдаст. Там оборотни на входе. – Он схватил рюкзак и двинулся к выходу.

– Почему я не могу туда прийти без морока?

– Во-первых, фейсконтроль. Во-вторых, ради твоей безопасности. Думаю, наряд можно позаимствовать у моей сестры, у нее как раз сегодня приват по расписанию. Хейзер подъедет к нам.

Я же мечтала сегодня просто отдохнуть, а не шляться где-то всю ночь. Но уже уяснила, что спорить с Каспием бесполезно.

* * *

Каспий жил в самом центре, но в Мунсайде это не счита-

лось чем-то особенным, напротив, уютиться в квартирке считалось позорным. Да и нелюди недолюбливали центр города. Это было место людей с их магазинчиками, кафешками и неуютными бетонными блоками – никакой демонической эстетики. Семья Брутто жила скромно, даже заурядно и как-то дешево. Кажется, у них были не лучшие времена.

– Может, ты не в курсе политической ситуации, но суккубы не могут похвастаться устроенной судьбой, – прокомментировал Каспий, закрывая дверь и швыряя рюкзак на диван. – Хотя мы и демоны, живется нам хуже обратной. Никто не хочет знаться с суккубами, к нам относятся с подозрением и недоверием.

Я, конечно, подозревала это, но особо над этим не задумывалась.

– Нам сложно найти работу, если там заведует кто-то из нелюдей, будь то вампир или эльф. Единственный выход – либо пользоваться тем, что тебе дала природа, либо работать на людей. И неизвестно, что из этого хуже.

– Что ты подразумеваешь под «пользоваться тем, что дала природа»?

Каспий посмотрел на меня тягостно и одновременно разочарованно. Чувствовалось, что отвечать он не хотел.

– Проституция, Ив, – сказал он так, что мне вмиг стало не по себе. Каспий спрятался у себя в комнате, переодеваясь. – Можешь налить себе чай. Если есть что-то в холодильнике – бери.

– Суккубы же вроде не едят?

Точнее, они едят, но не пищу, а энергию, без которой быстро увядают и становятся старыми и непривлекательными.

– Я ем иногда.

По холодильнику это было заметно. Соусы, два яйца и что-то непонятное в контейнере: то ли рис, то ли какая-то крупа. Пришлось удовольствоваться чаем.

Каспий вышел из комнаты с мокрыми волосами и в новом наряде, именно в наряде. С его-то внешностью ему не надо прихорашиваться, но в этот раз он приделся. Неужели «Геката» – такое элитное место?

– Прости, Ив, но сегодня мне придется... «поужинать» в «Гекате».

– Намек понят. – Я прокашлялась, чувствуя, что щеки горят.

– Такова физиология...

– Я поняла! Мне-то зачем туда идти?

– Считай, что это продолжение нашей экскурсии.

– Потрясающе, – только и фыркнула я.

Прозвучал звонок в дверь, Каспий открыл ее и впустил кого-то внутрь.

– Познакомься, Ив. Это Хейзер.

Я видела ее только издали и со спины. Вблизи она оказалась настоящей красоткой. Яркое и выразительное лицо, острые скулы, пухлые губы, светло-карие глаза с зеленым от-

ливом, которые смотрели открыто, смело и будто с издевкой.

– Уже Ив? – саркастично поинтересовалась она у Каспия, пожав мне руку. – А как же госпожа Лавстейн или королева Мунсайда?

Видимо, она тоже не фанат моей семейки. Я неловко произнесла, чтобы замять паузу:

– Мы с тобой на основах демократии рядом сидим. Хейзер вскинула одну бровь. Видимо, ее фирменный жест.

– Не заметила.

– Может, мне и морок не нужен? – усмехнулась я. – Видишь, какая я незаметная.

– Тут мороком не обойдешься. – Прямо с порога она стала доставать какие-то ветхие книги и поспешила их разложить на столе в кухне. В ее огромной кожаной сумке поместились даже миска и какие-то контейнеры, заполненные всем для магии вуду. – Ее и на фейсконтроле не пропустят.

– Там сегодня будет Криста, мы легко попадем внутрь.

– Ты это говорил и в прошлый раз. – Она стала яростно листать свой блокнот, исписанный мелким, убористым почерком. – Не хочу, чтобы ты снова отхватил.

– Снова?

Каспий мотнул головой: мол, не стоит спрашивать.

– Что ж, я вижу только один выход: полная смена обличья.

– Это сложно, Хейз, ты не справишься.

– Справлюсь, – упрямо заявила она, листая огромную тетрадь.

– Ладно внешность, но запах ты не подменишь.

– Я много практиковалась.

– Слушай, Хейзер, у меня нет таких денег, да и рисковать я не хочу.

– Я заплачу. – Но меня проигнорировали.

– Услуга за услугу, – добавила Хейзер, найдя нужную страницу. Каспий сделал глубокий вдох.

– Если это то, о чем ты говорила сегодня, то я против.

– Там даже твоего лица не будет, все анонимно, ты в безопасности. Просто подмочи репутацию Варрону, и все. – Хейзер неожиданно посмотрела на меня, будто только вспомнила о моем присутствии. – Да ты же не знаешь.

– Не знаю о чем?

– Хейзер – невеста Варрона.

– Что?

– Новый эксперимент Вестфилдов, – только и фыркнула она.

– Она – бокор, – пояснил Каспий.

Бокоры – маги вуду – довольно сильные. Спектр их возможностей намного шире, но опаснее и сложнее.

– А моя мать – мамбо, верховная жрица. Поэтому от Вестфилдов избавиться будет очень сложно.

– Почему я не видела тебя вместе с Варроном?

– Потому что я его ненавижу, – просто ответила она. – Думаю, тебе меня понять куда легче в этом плане.

– Почему же?

– У тебя ведь такая же ситуация.

– Не поняла.

– Ифрит, ты ведь с детства ему обещана, и тебе тоже нужно обязательно родить отпрыска. Вот только у тебя есть выбор, от кого именно.

Это меня задело, очень сильно.

– Но меня силой не выдают замуж за ублюдка.

Хейзер посмотрела на меня, словно я какая-то дуручка. В последнее время на меня так часто смотрят.

– Это тебе так кажется, что он не ублюдок. Я не хочу с тобой спорить, Лавстейн, но подумай логически: зачем многовековому демону так с тобой носиться? Все мы знаем, что ты от ифрита без ума, что он тебе пеленки менял и отца заменил. Но все ли так просто?

Я сделала глубокий вдох, стараясь успокоиться. В ее словах была доля правды, колкой и неприятной.

– Он боялся, что и ты его бросишь, как твой папа, бабушка и прадед, – мягко добавила она. – Правда, я надеюсь, что у вас была любовь до гроба, но... это демоны. Тебе ли не знать.

– Ничего ты не знаешь.

– Я надеюсь, сестрица, правда надеюсь.

Мы замолчали. Она колдовала за столом, доставая ингредиент за ингредиентом, и что-то шептала, а Каспий проник в комнату сестры и стал перебирать ее вещи. Я последовала за ним.

– Хейзер не хотела тебя обидеть, – шепнул он, придиричиво

оглядывая платье.

– Я понимаю, но лучше от этого не становится.

– Знаешь, – Каспий замолк, – я часто думал, почему Кави сделал с собой такое.

– Такое?

– Стер память, создал новую человеческую личность. Мне кажется, он просто хотел забыться. Настолько ему было плохо, когда тебя украли, что он не выдержал этого. Представляешь, все напоминало ему о тебе, а ты пропала. Никто даже толком не знал, жива ли ты.

– Хотела бы я так же подправить себе память, – выдавила я. Я знала, что Каспий желал поддержать меня, как-то утешить, и я правда верила в его теорию, но все так запуталось, что разбираться было бессмысленно. Кави – меньшая из моих проблем, пусть и самая близкая к сердцу. Моя задача – быть в свое совершеннолетие здесь, пожать ему руку, а потом все проблемы рассосутся сами собой. Нет, конечно, ответственности будет в разы больше, но у меня хотя бы будут поддержка, близкий человек, который знает все вдоль и поперек.

– Каспий, ей нужна мужская одежда.

– Что? – Он выглянул в коридор.

– Ты был прав: полная смена облика – это сложно. А вот сменить ее пол на вечер легче.

Ради всех богов и демонов, во что я, черт подери, ввязалась?

Каспий дал мне свою одежду. Я переоделась, а Хейзер продолжала колдовать.

Магия вуду была для меня в топе магических практик. Было в ней что-то жизнерадостное, бойкое и в то же время кровавое, жестокое. Я ожидала песнопений и танцев, но в итоге Хейзер прошептала что-то зловещее, повесила на меня вычурный амулет, от которого изрядно воняло, и все. Ни песен, ни плясок.

– За что платили, то и получили, – только и сказала она, а потом в моих глазах потемнело, и все тело, каждый мой орган охватила ужасная боль, словно меня скрутило в узел. Я не могла даже закричать, настолько это было невыносимо.

– Я могу облегчить боль, но ты сама сказала: никаких прикосновений. – А я уже сама повалилась на Каспия, ощущая исходившее от него тепло. Боль действительно притупилась. Я будто оказалась под одеялом в дождливый, холодный вечер. Так хорошо и уютно. Каспий обнял меня и прижался как можно ближе. Это не выглядело как домогательство. Сейчас это было единственным, что он мог сделать для меня. Лихорадка спадала, мышцы медленно расслаблялись, Каспий сам сделал шаг назад, позволяя мне вздохнуть полной грудью, то есть как-то по-другому.

– Ну... родиться девчонкой было твоей большой ошибкой, – усмехнулся Каспий.

– Знаешь, сколько раз мне это говорили? – я сама не узнала свой огрубевший голос. Поспешив к зеркалу на ватных

ногах, я внимательно всмотрелась в новое лицо. Думаю, каждого интересовало, как он будет выглядеть в другой половой ипостаси. Если честно, мужской облик шел мне больше. Не могу сказать, что я сильно изменилась. Лицо стало шире, но осталось таким же угловатым, глаза – серьезнее, брови – гуще. Я была субтильным мальчишкой с острым кадыком и худыми ногами. Одежда Каспия, который был шире меня в плечах, была мне великовата, но смотрелась неплохо. Волосы до плеч немного портили мужественный облик. И даже форма рук изменилась! Пальцы стали толще. Минус – подростковые прыщи на подбородке, да и кожа стала более сухой.

– Вау! – Я рассмеялась.

– У нас не так много времени, – крикнула Хейзер, когда я уже намеревалась полностью осмотреть свое тело.

– Убери волосы, – посоветовал Каспий, – на одну сторону, а лучше зачеши челку назад.

– А это надолго?

– Часов на пять. Держи, – он протянул мне резинку, – завяжи хвост. Там все-таки фейсконтроль.

– Фейсконтроль, – передразнила я его.

– А лучше так. – Он взял красную шапку и бесцеремонно натянул ее мне на голову. – Все, идем.

Мне очень не хотелось отходить от зеркала, было желание получше себя рассмотреть и хорошенько запомнить. Пусть отличия были не разительными, но все равно это так круто!

Любоваться новым «я» пришлось продолжить на переднем сиденье автомобиля. Хейзер уже вела какой-то скромный девчачий «жук», где заднее сиденье было завалено банками с заспиртованными лягушками и змейками.

– Кстати, у тебя же и имя мужское, – подал голос Каспий. – Я только сейчас понял.

– Ивейн – рыцарь со львом, – фыркнула Хейзер. – Почему именно рыцарь?

– Я... не знаю. Серьезно. – После каждой своей реплики мне хотелось истерически хохотать. – А по запаху меня не узнают?

– Во-первых, я его ослабила. Во-вторых, держись ближе к инкубу, и никто обнюхивать тебя не станет.

– Если никто не захочет меня снять. – Мне показалось или он произнес это больше с гордостью, чем с грустью.

– Или меня. – Я глупо засмеялась.

Бар «Геката» находился на задворках центра, где припарковать машину было не так уж просто. Пришлось пройти еще полквартала пешком. Странно, я думала, этот район нечисть не любит. Неужели это такая маскировка?

Тут даже не было вывески. Лишь железная дверь и огромный оборотень на входе.

– Займешься им? – усмехнулась Хейзер, беря меня под руку, будто я – ее парень. – Ничего личного, просто так мы привлечем меньше внимания.

Каспий пожал плечами, подошел к оборотню, стал с ним

мило болтать и даже ненароком провел рукой по плечу.

– Что он делает?

– Очаровывает.

– Мужчину-оборотня?

– «Геката» – пристанище суккубов, у него, считай, иммунитет. Но вот к инкубам он не привык. Мы уже делали так.

Верзила и правда расплылся в улыбке и не отводил взгляда от Каспия. Выглядело это не то чтобы мерзко, но как-то неприятно, особенно для меня.

– Проходим. – Каспий кивнул нам, нагнулся к вервольфу и прошептал: – Большое спасибо.

Двери перед нами распахнулись, оглушая музыкой и ароматами. Слишком много всего. Ведьмы, вампиры, демоны, даже эльфы, не говоря уже о зомби. «Геката» выглядела грандиозно, сочетая в себе фабричный лофт и какое-то вычурное барокко. Мраморная статуя Гекаты возвышалась посреди зала, грандиозно поднимая руку и хитро оглядывая гостей. На ней был венок из семи пик, из-за чего невольно возникали ассоциации со статуей Свободы. В этом читался некий подтекст, что символ Америки является богиней преисподней. Страна, не имеющая собственного фольклора, приютила здесь каждого желающего, синтезировав культуру и богов, добавив в них ГМО и разбавив кока-колой. Иронично, но немного грустно.

Я невольно уставилась на вездесущие клетки, где извивались демонессы в костюмах. Никто на них не обращал вни-

мания, будто они были атрибутом интерьера.

Во время скитаний я часто попадала в клубы по фальшивым документам или меня кто-то провожал из знакомых. Но подобного не было нигде.

– И зачем ты привел меня сюда? – Каспий прошел к барной стойке, где человек со змеиной кожей ловко орудовал лапками и что-то мешал. Таких существ оставалось очень мало, и я думала, что их место в лесу, на болотах.

– «Геката» – это Лас-Вегас Мунсайда, – пояснил Каспий. – Во-первых, атмосфера здесь просто потрясающая.

Я фыркнула. Он сказал это с неподдельным восторгом, наблюдая, как его собратья корчатся в клетках.

– Во-вторых, здесь можно достать все что угодно и кого угодно.

– Что-то вроде черного рынка?

– И да, и нет. Я бы сказал, это бизнес-конференция, где можно заиметь полезные связи.

– Но я в облике несуществующего человека, и связей мне здесь лучше не заводить.

– Это зависит от твоей политики. Стоит ли мне говорить, что Комитет они ненавидят.

– А Лавстейнов?

Каспий хоть и слова не сказал, но его взгляд ответил на мой вопрос.

– Понятно.

Хейзер ускакала танцевать к сцене. К слову, народу было

много, и это в вечер понедельника.

– Людей сюда пускают?

– Есть специальные дни для людей, но тогда лучше не приходить.

– Почему?

– Потому что бармен накачивает их чем-то, а потом они просыпаются слегка обескровленные.

– Просто чудесно.

– Ты еще прочувствуешь это место, тебе понравится.

Нет, было в этом притоне порока что-то поэтичное, извращенно-красивое и притягательное. Появлялось ощущение, что сюда приходят не только повеселиться. Здесь плели свою паутину, не прикрываясь важным званием Комитета. Такой открытый, но незаконный подход мне нравился куда больше демонической бюрократии.

В руку ткнулось что-то холодное. Коктейль, от которого шел дым. Сама жидкость напоминала собой лак с блестками и была такой же тягучей. Каспий нахмурился, увидев его у меня в руках.

– Это от кого? – строго спросил он у змея.

Из коктейля было невозможно даже трубочку вытащить.

– Это из лаундж-зоны.

Каспий нахмурился еще больше и бросил на меня недовольный взгляд.

– Это можно пить? – озадаченно спросила я.

Каспий выхватил несчастный стакан и стал крутить в ру-

ках, пытаясь найти что-то на дне.

– Присмотрись. – С этими словами он вернул его мне и двинулся в сторону танцпола, к Хейзер.

Я отошла к туалетам, где света было больше, и чуть не уронила коктейль на пол. Внутри было какое-то маленькое существо, словно заспиртованное. Возможно, это нормально для таких мест, но не для меня.

– Понравилось? – кто-то шепнул мне на ухо, и я отскочила, совсем по-девчачьи ойкнув. Это был молодой демон с зализанными назад волосами и хитрой улыбкой настоящего лиса. Тонкие губы наискосок пересекал шрам, который ему удивительно шел. Демон подмигнул мне и кивнул в сторону лестницы вниз. На языке так и крутилось его имя, но я не могла никак его вспомнить.

Каспия поблизости не было, и я догадывалась, что следовать за неизвестным в подвал мне не следовало, но утешала себя тем, что в любой момент могу крикнуть: «Я, между прочим, Лавстейн». Правда, неясно, помогло бы мне это или нет.

Спустившись по каменной лестнице вниз, мы свернули за угол и оказались в комнате с огромным аквариумом. Даже не аквариумом, а бассейном, потому что в нем плескались красивые мерmaidки. О них я только читала, но знала, что ничего общего с диснеевской Русалочкой у них нет. Зато были огромные глаза без зрачков, едва заметный нос и пухлые губы. Жабры и чешуя, плавно переходящая в кожу, также

имелись.

Демон плюхнулся на бархатный диван, блики от воды сверкали на его коже. Я всматривалась в него, пытаюсь понять, кто передо мной. Пахло от него странно, будто свежей краской, но в то же время чем-то неестественно сладким.

Он выглядел молодо. Красивое, обаятельное лицо, вздернутый нос, пухлые губы, что-то такое юношеское и озорное.

Но улыбался он так, что кровь стыла в жилах.

– Между прочим, этот коктейль придумал твой предок, мой хороший друг.

– Какой именно предок? – Я осторожно поставила заспиртованную зверушку на столик и села подальше от нового знакомого.

– Корнелиус Лавстейн.

В семье, так сказать, не без уroda, а точнее, без псевдоученого-психопата. Вся библиотека была завалена его научными трудами, да и слухи о нем ходили разные. Например, что он был знаком с Николой Теслой и даже как-то приглашал его в Мунсайд. А из фактов – что он убил своего старшего брата-близнеца за секунду до совершеннолетия.

– Но потом твоя семья не захотела водить со мной дружбу. – Демон цокнул. Все время казалось, что он слегка переигрывает со своей яркой мимикой и жестикуляцией. – И я захотел исправить положение. Тем более что ситуация у тебя незавидная.

– Как ты узнал, кто я?

Он фыркнул.

– Дорогуша, ты меня явно недооцениваешь.

– Я даже не знаю, как тебя зовут.

Губы разъехались в улыбке.

– Я дневной бог, к которому постепенно возвращается популярность. Имя мое давно забыто и коверкается на всякий манер, я ловко шастаю из сказания в сказание, из легенды в легенду, из культуры одной страны в культуру другой...

– Но оказался заточенным в Мунсайде, как и все демоны? Кто же он? Кто-то очень сильный и могущественный.

– Я сам выбрал это место.

– Почему?

Он нагнулся ко мне и прошептал:

– Потому что здесь интересно.

Я ахнула, осознав, кто передо мной.

– Трикстер.

Он рассмеялся в голос и даже захлопал в ладоши от удовольствия.

– Мой спектр услуг довольно широк, но суть ты уловила верно. Во мне много чего намешано, но маска Трикстера ближе всего.

Плут, шутник, озорник, хитрец и лицедей – это самое лестное, что можно о нем сказать. Он опаснее самого Асмодея, ведь трикстеры не подчиняются ни здравому смыслу, ни логике. Хорошо, что на территории Мунсайда действуют магические законы, которые могут держать его в рамках де-

монкратии, но, чувствую, он ловко варьировает между ними.

– Ты очаровательна, Лавстейн. Крошка Лавстейн всегда бродит за ручку с Кави и смотрит на него одновременно как на бога, отца и супруга.

– Что ты хочешь?

– И вот ты возвращаешься и понимаешь, что никому не нужна, что тепличные условия, в которых ты росла, сказки, в которые верила, разрушены. Мунсайд должен был быть твоим королевством.

– Но стал тюрьмой. Я все это и без тебя прекрасно знаю.

– Зачем ты так злишься, принцесса? Я тебе не враг.

– Ты всем враг.

– И всем друг.

– Не пытайся меня запутать, я не пила этот яд.

Он пожал плечами, картинно опустив уголки губ вниз, взял коктейль и сделал глоток. Неожиданно там появились пузырьки, зверушка зашевелилась. Меня чуть не вырвало.

– Я-то не желаю тебе вреда в отличие от твоего друга-инкуба.

– Я знаю все твои трюки, – упорствовала я.

– Но это невозможно, – сквозь улыбку произнес он, – потому что я их не знаю. Лишь импровизация, как и у тебя. – Он еще раз отпил, зверушка стала двигать руками, пытаюсь вырваться из тягучего плена. – Этим ты мне и нравишься. У тебя нет плана, убеждений. Ты еще ребенок, которого очень легко обдурить. И все этим пользуются: Каспий,

Кольт, Вольфганг, Кави...

Я со всей дури пнула столик, не зная, как выплеснуть переполнявшую меня злость. Нужно успокоиться, трикстеры обожают зрелища.

– Я мог бы открыть тебе глаза, раскрыть все тайны и показать козырь каждого. Но это будет не так увлекательно. Для меня в мире есть одно зло...

– И это скука, – догадалась я.

– Мне даже не пришлось ничего придумывать. Все случилось само. Я не помню таких интересных зрелищ со времен самого Корнелиуса. Братоубийца, психопат, гений! Демоны его просто растерзали. Он был прекрасным игроком, но ужасным правителем. Знаешь, он как-то раз чуть не проиграл мне Мунсайд в карты.

– Очень в его духе.

– Но тебя так не проведешь. Ты, по сути, не дорожишь ни Мунсайдом, ни своей должностью. Ты до сих пор здесь только из-за своего ифрита.

Глупо лгать лжецу, тем более если он демон. Намного проще лгать самой себе.

– Ты приезжаешь в город, где прошли твои золотые детские годы, и что видишь? Жалкого наркомана, пьяницу, социопата и отброса общества. А ты с ним даже не говорила!

– А ты говорил?

Он замолк, улыбаясь и наклонив голову набок.

– Я его психиатр, – произнес он с удовольствием.

Чудесно. Демон-трикстер – психиатр с наклонностями садиста. Кто-нибудь вообще следил за Кави и думал, в чьи руки он попал?

– Могу предложить свои услуги и тебе. Конечно, бесплатно.

– Не нуждаюсь.

Он рассмеялся.

– Это ты так думаешь.

Я встала, думая вернуться наверх, боясь даже предположить, что надумал Каспий. Но услышала шелест. Трикстер раскладывал карты.

– Мое второе предложение.

– Азартные игры меня тоже не интересуют.

– Но ты не знаешь про приз.

Я обернулась. Трикстер наслаждался представлением.

– Необязательно играть сейчас. Когда тебе это будет необходимо, просто приходи сюда.

– Что за приз?

– Правда. Я отвечу на три любых твоих вопроса.

В голове тут же появились варианты. Зачем Кави стер себе память? Кто помог мне покинуть город? Могу ли я доверять Каспию? Кто оставляет надписи на стенах? Куда пропадают люди? Хотят ли меня убить и кто? В конце концов, зачем отец делился кровью с Кольтом?

– А если выиграешь ты?

Глупо говорить «если». Трикстер не умеет играть честно.

– Я беру свою цену.

– Какую?

– Ну... обычно я забираю у женщин возможность родить потомство или просто первенца, но требовать от тебя такое – самоубийство. Можешь расплатиться глазами, слухом или... – Он причмокнул. – Да, так будет лучше: памятью.

Внутри что-то дрогнуло.

– Мы договоримся, и ты создашь себе новую личность. Уедешь из города, заживешь своей жизнью с чистой совестью. И никакой Мунсайд не будет тебе докучать. – Он глядел мне прямо в глаза с неподдельным интересом, ухмылка застыла на губах.

Я услышала крики с верхнего этажа и без раздумий кинулась наверх. Об этом предложении стоит подумать позже, на чистую голову.

Охранник с кем-то сцепился прямо у входа в лаундж-зону. Суккубы продолжали танцевать, демоны – пить коктейли, только Хейзер бешено визжала, а Каспий все пытался повалить верзилу, вцепившись в его рубашку.

Я набросилась на охранника со спины, и он, растерявшись, выпустил Каспия. Я со всей дури колошматила его по голове одной рукой, а второй закрыла ему глаза, совсем забыв, что в мужском обличье сил у меня немного больше.

– Бежим! – крикнула Хейзер, и я полетела на пол. Каспий тут же поднял меня на ноги и, схватив за руку, повел вон из «Гекаты».

Никого это не удивляло. Человек у входа даже глазом не моргнул. Сердце колотилось как бешеное, я затылком чувствовала, что тот тип следует за нами. Улицы были мокрыми после дождя, я поскользнулась и едва поспевала за ними. Даже Хейзер на каблуках шла быстрее. Только подлетев к машине, мы запрыгнули внутрь и наконец перевели дух.

– Пригнись! – пискнула Хейзер, рукой надавив мне на голову. Краем глаза я увидела, как охранник вышел на дорогу, пригнувшись. – Надо было тебе именно до оборотня докопаться, – шепнула она Каспию.

– Где ты, черт подери, была?! – разозлился он, обращаясь ко мне. – Ты вообще думала, когда пошла с незнакомцем в подвал? Тебя могли изнасиловать или убить, изнасиловать и убить, в лучшем случае – убить и изнасиловать.

– Он идет, заводи машину, – крикнула я. Хейзер вставила ключ зажигания. Я как будто вернулась в Канаду и снова сбегала от брата. Прошло всего несколько дней, а я уже полностью отвыкла от ощущения погони и панического страха. Сердце стучало где-то в горле, будто я впервые попала в такую ситуацию. – Едем ко мне. Он туда не сунется.

– Нас тогда рассекретят.

– Да не побежит же он за нами! – заорала Хейзер. – Вы в своем уме? Это не полицейский фильм, мы всего лишь поцапались с охранником.

– Криста видела, – шепнул Каспий, затем схватился за волосы и согнулся пополам. – Из-за меня у нее будут пробле-

мы.

– Они же не знают, что ты ее...

– Знают! Знают! Черт! О чем я только думал? Ах да, я знаю! Я думал о том, куда, черт возьми, пропала моя подруга!

Я должна была чувствовать себя виноватой, но мне было так приятно снова ощутить, что кто-то обо мне волнуется. Это эгоистично, но...

– Все равно поехали ко мне. У меня куча комнат и целый погреб вина. Давайте выпьем чего-нибудь человеческого.

– У-у-у, вечеринка в особняке Лавстейнов, – взвыла Хейзер. – Всегда мечтала пробраться к вам, посмотреть, как живут короли.

Каспий выглядел убитым.

– Касп, – я обернулась, – прости меня, пожалуйста. Я правда сглупила.

Он молчал.

– Мне не следовало отходить от тебя. Это опасное место, но ты не представляешь, как помог мне, показав его.

Каспий фыркнул.

– Это хотя бы того стоило? С кем ты связалась?

Я посмотрела на дорогу. В городе было пусто. Кажется, я пробыла в «Гекате» гораздо больше времени, чем мне казалось.

– С Трикстером.

Хейзер аж воздухом подавилась.

- Мистер Трикстер. Вот это да.
- Ребята, мне как-то не по себе.
- Это нормально, ты превращаешься обратно.
- Кажется, я сейчас потеряю сознание...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.